

«ПРАЖСКАЯ ИМПЕРИЯ» И ЛЕНДЗЯНЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЯВЛЕНИИ СЛАВЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Вопрос о распространении славянской этнической идентичности среди славяноязычного населения¹ принадлежит к числу актуальных тем современной славистики. Важным, хотя и не бесспорным, представляется прозвучавший в недавнее время тезис о том, что славянская идентичность распространялась в процессе рецепции «варварами» византийского этнического дискурса, в рамках которого впервые оформилось представление об «этносе склавинов»². Если следовать этой логике, то усвоение славянской идентичности в Восточной Европе³, то есть на землях будущей Руси, следовало

¹ Как отмечал в свое время авторитетный российский этнолог, «в этнологии принято считать славян прежде всего лингвистической категорией. Можно также рассматривать славян как определенную историко-культурную общность, причем общность, которая получается в результате научной систематизации, но не обязательно существовала или существует в сознании носителей этого типа культуры» (Чешко С. В. Этническая история славян с точки зрения проблем этнологии // Славяноведение. 1993. № 3. С. 20). Хотя в трудах историков, судя по контексту, понятие «славяне» также часто служит обозначением славяноязычного населения, подобное словоупотребление провоцирует методологическую путаницу ввиду исторически присущих понятию «славяне» этнических коннотаций. Эти коннотации — в первую очередь те, что обусловлены лингвистическим национализмом XIX в., определявшим народ через язык, — продолжают оказывать существенное влияние на использование термина «славяне» как в обыденном, так и в академическом дискурсе. Критический анализ ситуации, сложившейся в историографии вокруг понятия «славяне», см. в работах: Curta F. The making of the Slavs: History and archaeology of the Lower Danube Region, с. 500–700. Cambridge; New York, 2001. P. 6–35; Homza M. A few words about the identity of the Slavs, yesterday, today, and tomorrow // SSBP. 2018. № 1 (23). С. 3–41.

² Curta F. The making of the Slavs... P. 346–350.

³ Здесь и далее под Восточной Европой понимается территория современных Украины, Белоруссии и европейской части Российской Федерации.

бы интерпретировать как обусловленный христианизацией результат византийского «культурного импорта»⁴.

Не оспаривая важности христианизации для процесса восприятия славянской идентичности, следует учесть, что с помощью данной схемы можно объяснить только формирование представлений о связанном единым происхождением славянском «народе» в тех или иных средневековых исторических сочинениях. Использование этнонима «словене», являвшегося в Средние века самоназванием славофонов, по крайней мере, на территории Карпатской котловины, как элемента обиходной этносоциальной категоризации требует иных объяснений, которые, в то же время, не могут сводиться к простому отождествлению этнической идентичности и языковой принадлежности. В настоящей статье будут представлены наши размышления о том, каким образом название «словене» могло появиться на территории будущей Киевской Руси.

Свидетельством того, что название «словене» появилось в Восточной Европе еще до официального крещения киевлян, а именно не позднее середины X в., является письмо хазарского царя Иосифа испанскому сановнику Хасдаю ибн Шафруту (960-е гг.), где в перечне народов, служащих и платящих дань хазарскому правителю, вслед за народами «Бур-т-с» (буртасы), «Бул-г-р» (булгары), «С-вар» (сувары), «Арису» (эрзя), «Ц-р-мис» (черемисы), «В-н-н-тит» (вятичи), «С-в-р» (северяне), упоминается народ под названием «С-л-виюн»⁵. Название «С-л-виюн», хотя и проникло, судя по своей форме, к хазарам через посредство арабов⁶, тем не менее восходит к самоназванию «словене», а потому, в отличие от арабского термина «сакалиба», возникшего в результате заимствования греческого «Σκλάβος»⁷, может служить относительно надежным свидетельством реального присутствия славянской (словенской) групповой идентичности среди славофонов Восточной Европы. Хотя из письма царя Иосифа невозможно понять, где именно проживал народ «С-л-виюн», исходя из общего направления, в котором здесь перечислены подвластные хазарам народы (сначала с юга на север вдоль Волги, а затем с востока на запад вдоль торгового пути, ведущего из Булгара), можно думать, что народ этот, в представлении хазарского царя, проживал где-то на западных рубежах каганата⁸. В свою очередь, древнейшей арабской фиксацией названия «словене» является приводимый Ал-Истахри, а вслед за ним и рядом других авторов, рассказ о трех группах русов, одна из которых — самая дальняя от Булгара — именуется «С.лавийа»⁹. Правда,

---

⁴ Так, по словам А. П. Толочко, отразившееся в «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) представление о славянском (словенском) народе, в основе которого лежит лингвистическая общность, «есть продукт ученого ума, доступный только человеку книжной культуры» (Толочко А. П. Очерки начальной руси. Киев; СПб., 2015. С. 73). Источником представлений летописца о славянах исследователь считает Паннонские жития свв. Кирилла и Мефодия (Толочко А. П. Очерки начальной руси. С. 74–77).

⁵ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. III: Восточные источники / Сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. М., 2009 (далее — ДРСЗИ. Т. III). С. 204.

⁶ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 99. Примеч. 4.

⁷ Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире. М., 2002. С. 8.

⁸ В историографии народ «С-л-виюн» хазарского источника нередко привязывался к Новгороду на Волхове (никогда не находившемуся в сфере интересов каганата), хотя упоминание этого народа вслед за вятичами и северянами побуждает искать его в районе Киева.

⁹ ДРСЗИ. Т. III. С. 85.

характер сообщения, в котором наряду с группой «Куйаба», аттестованной в источнике как наиболее близкая Булгару и уверенно отождествляемой с Киевом, фигурирует не поддающаяся однозначной идентификации Арса, не дает возможности понять, располагалась ли «Славийа» на территории Восточной Европы или уже за ее пределами¹⁰.

О том, что название «словене» в Восточной Европе уже в самом начале XI в. являлось элементом обиходной социальной категоризации, позволяет говорить использование определения «словенин» в краткой редакции Правды Русской, где данное определение составляет смысловую пару с термином «русин»¹¹. Как показал Н. И. Петров, в едином контексте с этим важным известием, позволяющим говорить о том, что «словенин» и «русин» были определениями одного порядка, следует рассматривать и комплекс известий о (новгородских) словенах в начальном летописании, в которых они выступают как младшие социально-политические партнеры руси¹². В условиях славяноязычия и тех и других становится очевидным: языковая принадлежность в дифференциации «словене — русь» не имела значения, что — заметим — резко контрастирует с кирилло-мефодиевской редакцией понятия «словене», отраженной в так называемом «Сказании о преложении книг на словенский язык», вошедшем в летопись на этапе составления ПВЛ¹³.

Недвусмысленные свидетельства начального летописания, а также исторический контекст появления краткой редакции «Правды Русской» позволили исследователям говорить о том, что в первой половине XI в. словенами на Руси называли новгородцев¹⁴. Оставляя за скобками содержащийся в ПВЛ рассказ о приходе словен с Дуная на озеро Ильмень, представляющий собой характерную для Средневековья этногенетическую легенду¹⁵, отметим, что на сегодняшний день в науке нет удовлетворительного ответа на вопрос, когда и каким образом название «словене», чужеродное восточнославянской

¹⁰ Подробный обзор предложенных в историографии локализаций группы «Славийа» недавно дан Ю. Дыбой, склонным локализовать эту группу руси на Волыни (Дыба Ю. Географія початкової русі за східними джерелами // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2016. Вип. 10. С. 9–58).

¹¹ Петров Н. И. Словенин «Русской Правды» и словене «Повести временных лет» // SSBP. 2017. № 1 (21). С. 39–51.

¹² Петров Н. И. Поволховье и Ильменское Поозерье в IX–X вв. СПб., 1996. С. 74–78.

¹³ Шахматов А. А. Сказание о преложении книг на словенский язык // Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin, 1908. S. 171–188.

¹⁴ См. особенно: Петров Н. И. Словенин «Русской Правды»... С. 44.

¹⁵ Во избежание недоразумений отметим, что позиция автора настоящих строк заключается не в том, что этногенетические легенды нельзя использовать как исторический источник, а в том, что их интерпретация не должна представлять собой их перевод на язык лингвистического национализма XIX в., где место Вавилонской башни будет занимать «лингвистическая прародина» (см.: Curta F. The making of the Slavs... P. 6–9; Homza M. A few words about the identity of the Slavs... P. 6–8). Представляется, что задачей историка должно быть объяснение дискурсивных конструкций, каковыми являются этногенетические легенды, посредством изучения «социального знания» эпохи, в которую они создавались и функционировали, а не замещение их дискурсивными конструктами эпохи модерна. О понятии «социального знания» см.: Эклс О. Г. Действительность и знание: Очерки социальной истории Средневековья. М., 2007. С. 23–38.

этнонимии¹⁶, проникло на берега Волхова. Если допустить, что около 1000 г. название «словене» уже было элементом этносоциальной категоризации новгородцев, то появление его логично связать с возникновением так называемых «предновгородских поселков» — поселенческого сгустка, сформировавшегося во второй трети X в. неподалеку от Рюрикова городища.

При всей дискуссионности вопроса об обстоятельствах появления «предновгородских поселков»¹⁷, похоже, исследователи сходятся в том, что их возникновение во времени было более или менее компактным, ограниченным второй и третьей четвертями X в. Другой пункт исследовательского консенсуса заключается в том, что возникновение поселенческого сгустка прямо или косвенно являлось результатом организующей деятельности руси, а не поступательной эволюции локальных потестарных структур. Последний вывод особенно важен, так как в случае, если появление предновгородских поселков, действительно, являлось структурной инновацией, связанной с более прочной инкорпорацией северного участка «пути из варяг в греки» в сетевую политику («торговую компанию») русов с базой в Киеве¹⁸, то напрашивается вывод, что и название «словене» было столь же инновационным для данного уголка Европы, будучи привязано не к некому аборигенному «племени», существование которого вызывает большие сомнения¹⁹, а к вполне определенному социальному организму — новгородской общине.

---

¹⁶ *Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979. С. 221. — Гипотеза, связывающая с этнонимом «словене» название одного из районов средневекового Новгорода — Славенского конца, не выдерживает критики: форма микропонима Славно, давшего название Славенскому (с ударением на первом слоге) концу, такую связь практически исключает (см. подробно с возможными вариантами этимологии: *Яйленко В. П.* Прибалтийско-финские основы названий Новгородской земли Славно, Ильмень, Меря // *Uralo-Indogermanica*. Ч. I. М., 1990. С. 35–36; *Свердлов М. Б.* О названии новгородского Славенского конца // *НИС*. 1999. Вып. 7 (17). С. 15–17). Топонимы с основой «словен» крайне редки для севера Восточной Европы, зафиксированы поздно и на весьма далеком расстоянии от Новгорода (р. Словенка (приток Невы) и др.), что указывает на их случайное возникновение.

¹⁷ Так, согласно одной точке зрения, возникновение Новгорода носило взрывной характер и было по сути организовано русами, селившимися в один локус подконтрольную себе «простую чадь» либо «племенную верхушку» (по этому вопросу тоже нет единства — см. обзор мнений: *Жих М. И.* К проблеме генезиса социальной топографии древнего Новгорода // *Новгородика-2008*. Вечевая республика в истории России. Ч. 1. Великий Новгород, 2009. С. 30–47), согласно другой — вызревание поселков было постепенным, а люди сами стали стекаться в эти места, привлеченные социально-экономической значимостью поселения. Обзор мнений см.: *Петров Н. И.* Поволховье... С. 69–73.

¹⁸ См.: *Толочко А. П.* Очерки начальной руси. С. 209–210.

¹⁹ Хотя в археологической литературе «племени» словен приписывалась яркая культура крупных погребальных насыпей — сопок, наибольшая концентрация этих памятников наблюдаются отнюдь не там, где летописец локализует словен (см. подробно: *Петров Н. И.* «Могилы превысокие»: Языческие курганы племенной аристократии Северо-Западной Руси VIII–XI вв. Budapest, 1999. С. 35–36). Не согласуется с представлениями о словенском «племени», то есть особом этнополитическом организме, и изученная археологами поселенческая структура отводимого словенам региона. По словам В. Я. Конецкого, «на современном уровне знаний можно говорить о сложном и неоднородном по истокам характере славянской колонизации Приильменя. Это является серьезным аргументом против размещения здесь

Подобное понимание термина «словене», освобожденное от коннотаций, восходящих к средневековым этногенетическим легендам, не только находится в полном соответствии с теми известиями Начального свода, где словене, в отличие от кривичей, древлян, северян и прочих народов Восточной Европы, предстают в тесной связке с русами²⁰, но и объясняет отсутствие названия словен в числе «склавиний» Восточной Европы, перечисленных в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.) в качестве пактиотов «Росии».

От летописных сведений о новгородских словенах, являвшихся отражением реальной практики групповой идентификации, бытовавшей на Руси (в Киеве и Новгороде) в XI в., необходимо отделять содержащийся в космографическом введении ПВЛ и летописной статье 898 года комплекс известий о прародине и расселении славян, трактовка которого составляет отдельную исследовательскую проблему. Причины, по которым автор летописного рассказа о расселении славян связал происхождение полян и других племен Восточной Европы с далекой от Киева страной — расположенной в Подунавье «Словенской землей» — остаются неизвестными. Однако нерешенность (если даже не принципиальная неразрешимость) вопроса о генезисе летописного «*Origo gentis Sclavorum*»²¹ не умаляет ценности некоторых высказывавшихся исследователями при его обсуждении гипотез. Особый интерес для нашей темы представляет восходящая к известной работе Н. К. Никольского и с тех пор не раз звучавшая в историографии мысль об отражении в ПВЛ непосредственных связей киевлян со словенами Карпатской котловины в период, предшествовавший крещению Руси²². При этом, как справедливо замечают современные исследователи, комментируя присутствие в археологических материалах Восточной Европы тех или иных следов западного («великоморавского») влияния, для связей Киева с регионом Среднего Подунавья существовал весьма эффективный канал — известный торговый путь, который, пролегая через волынские земли, соединял Киев с Краковом, Прагой и другими городами Центральной Европы²³.

К настоящему времени в науке накоплена богатая информация об этом торговом пути²⁴. Особое место принадлежит здесь исследованиям А. В. Назаренко, попытавшегося концептуализировать роль данной магистрали, именуемой исследователем «путем

целостного “племени” в том смысле, который обычно приписывается летописным племенам в литературе» (Конецкий В. Я. Социальная организация населения Приильменья и формирование коренной территории Новгородской Земли в конце I тысячелетия нашей эры // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 1995. Вып. 9. С. 39).

²⁰ См. подробно: Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет»... С. 215–226.

²¹ О летописном рассказе о расселении славян в контексте жанра «*origo gentis*» см.: Homza M. Stredná Európa I: Na začiatku stredoveku. Bratislava, 2014. S. 21–22, 51–54.

²² См. особенно: Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Л., 1930.

²³ Шавелев А. С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007. С. 123–124; Войтович Л. В. Викинги в Центрально-Восточной Европе: загадки Ладоги и Плиссеска (II) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2012. Вып. 1. С. 5–6.

²⁴ Из новых работ см.: Діба Ю. Формування території «Руської землі» IX–X ст. у контексті функціонування трансєвропейського торговельного шляху Булгар–Київ–Регенсбург // Минуле і сучасне Волині та Полісся. Місто Володимир-Волинський та Побужжя у світовій

из немец в хазары», в сложении и территориальном оформлении раннерусской потестарной структуры в Среднем Поднепровье²⁵. Обратив внимание на совпадение трассы «пути из немец в хазары» на территории правобережной Украины с конфигурацией так называемой «Русской земли в узком смысле», вытянутой в широтном направлении именно вдоль названного торгового маршрута, исследователь предположил, что первичная «Русская земля» — это не что иное, как зона контроля русов над одним из его участков²⁶.

При всей привлекательности данной концепции, следует констатировать, что в распоряжении исследователей пока нет материалов, которые бы позволили возводить к X в. ту конфигурацию «Русской земли», которая вырисовывается из источников XI–XII вв.²⁷ Однако, даже несмотря на эту оговорку, сам факт раннего вовлечения киевских русов в торговлю по «пути из немец в хазары» имеет, как нам представляется, исключительную ценность для обсуждения вопроса о путях проникновения славянской идентичности на Русь. Дело в том, что в период до принятия христианства и связанного с этим распространения письменности, именно торговые пути служили каналами информационных связей. Эти связи существенно расширяли картину мира вовлекавшихся в них сообществ, способствуя, среди прочего, формированию надлокальных групповых идентичностей, усвоению новых форм этнического дискурса, распространению этногенетических мифов и т. п. В этой связи возможность того, что «путь из немец в хазары» мог послужить тем самым каналом, через который название «словене» проникло в Киев, откуда затем пришло в Новгород, кажется, по меньшей мере, логичной.

Примечательно в связи с этим, что именно на «пути из немец в хазары» в X в. располагался самый крупный «город» на всем славяноязычном пространстве Восточной Европы — Плиснеск²⁸. Хотя, под влиянием работ авторитетного исследователя Плиснеского городища — М. А. Филипчука²⁹, доминирующим в историографии стало представление о его «племенном» характере, в последнее время некоторые авторы, ссылаясь на обнаружение на городище скандинавских материалов, как и на сам факт его необычной величины, стали приписывать контроль над Плиснеском русам и даже связывать с ним деятельность таких летописных персонажей как князь Олег и княгиня

та українській історії. Успенський собор в історії міста Володимира-Волинського та України. Науковий збірник. Вип. 55. Луцьк, 2015. С. 42–50.

²⁵ См. особенно: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 71–112.

²⁶ *Назаренко А. В.* Две Руси IX века // Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. 2002. № 11–12. С. 16–22.

²⁷ Так, если исходить из картографирования скандинавских древностей Украины, рассматривая их в качестве маркеров территории, находившейся под контролем русов, то можно прийти к выводу, что русы контролировали лишь небольшую область в Среднем Поднепровье. См.: *Фетисов А. А.* Формирование «домена» Рюриковичей («Русской земли») по археологическим данным // Восточная Европа в древности и Средневековье (далее — ВЕДС). XXVII Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2015. С. 278–283.

²⁸ См.: *Войтович Л. В.* Викинги в Центрально-Восточной Европе... С. 5–7; *Дуба Ю.* Географія початкової русі... С. 40–44.

²⁹ См., например: *Филипчук М. А.* Структура Пліснеського археологічного комплексу в слов'янський та давньоруський час // ВІА. 2009. Вип. 4. С. 3–21.

Ольга³⁰. Желание объяснить феномен Плиснеска, выдвигая его на первый план восточноевропейской истории, можно только приветствовать, но предлагаемое исследователями решение загадки гигантского города наталкивается на большие трудности. Одной из них следует считать следующую: если Плиснеск был городом русов, являясь при этом самым крупным на контролировавшейся ими территории, то почему вплоть до конца XII в. он ни словом не упоминается в древнерусских источниках?³¹ Кажется, что интерпретацию Плиснеска в качестве княжеского центра ранней руси не удастся без натяжек согласовать и с археологическим материалом: как показали результаты раскопок, в конце X в. все линии обороны городища были уничтожены пожаром, который логично связать с одной из западных военных кампаний киевского князя Владимира³².

В то же время требует адекватного осмысления факт размещения Плиснеского городища в непосредственной близости от восточной границы Пражского диоцеза конца X в., обозначенной в грамоте 1086 г. как Буг и Стырь (*Bug scilicet et Ztir*)³³. Учитывая

³⁰ Мицько І. З. 1) Пліснеск — батьківщина княгині Ольги // Конференція «Ольжині читання». Пліснеск, 10 жовтня 2005 року. Львів, 2006. С. 61–81; 2) Українсько-чеські зв'язки та історія Підгір'я X–XI століть // П'яті «Ольжині читання». Пліснеск, 7 травня 2010 року. Львів; Броди, 2011. С. 63–77; Дуба Ю. Батьківщина Святого Володимира: Волинська земля у подіях X століття. Львів, 2014.

³¹ Это несоответствие было хорошо подмечено П. А. Раппопортом, пытавшимся объяснить его с помощью гипотезы о одновременности укреплений Плиснеска и датировки наиболее ранних из них скифской эпохой (*Rannoport P. A. К вопросу о Плеснеске // СА. 1965. № 4. С. 92–96*). Исследования М. А. Филипчука показали ошибочность гипотезы Раппопорта. Сторонникам русской принадлежности Плиснеска остается только допускать, что в известных источниках он все-таки фигурирует, но под другим названием. Так, И. Мыцько отождествляет Плиснеск с летописным Плесковым — родиной княгини Ольги (*Мицько І. З. Пліснеск — батьківщина княгині Ольги. С. 61–81*). Ю. Дыба ищет на Волыни загадочный Немогардас, упоминаемый в трактате «Об управлении империей» в качестве резиденции архонта Свентослава и традиционно, хотя и без особых на то оснований, отождествляемый с Новгородом (*Дуба Ю. Батьківщина Святого Володимира... С. 215–243*). Надежно подтвердить все эти рискованные догадки источниками не удается, а фольклорный материал, используемый обоими исследователями, доверия как источник информации о столь ранней эпохе не вызывает.

³² См.: Филипчук М. А. Структура Пліснеського археологічного комплексу... С. 7.

³³ MMFH. Vol. III. Brunae, 1969. P. 245. См. новейший подробный анализ документа: *Kalhous D. Anatomy of a Duchy. The Political and Ecclesiastical Structures of Early Přemyslid Bohemia. Leiden; Boston, 2012. P. 81–97; Sikorski D. A. Początki Kościoła w Polsce: wybrane problemy. Poznań, 2012. S. 50–76*. — Представленное в грамоте 1086 г. описание границ Пражского диоцеза, в действительности, является описанием границ двух епископств — Пражского и Моравского (с центром в Оломоуце), учрежденных не позднее 976 г. и объединенных в единый диоцез пражским епископом Войтехом в 983 г. Учитывая, что в содержащей текст грамоты хронике Козьмы Пражского документ именуется «привилегией св. Войтеха», Д. Тржештик резонно полагает, что документ мог отражать границы объединенного диоцеза, спроектированного Войтехом (*Třeštík D. «Veliké město Slovanů jménem Praha». Státy a otroci ve střední Evropě v 10. století // Přemyslovský stát kolem roku 1000: na paměť knížete Boleslava II. (+ 7. února 999) / Uspořádali L. Polanský, J. Sláma, D. Třeštík. Praha, 2000. S. 50–51*). Подобной же интерпретации придерживается и Я. Штайнхюбель с той, однако, разницей, что в составе объединенного диоцеза словацкий исследователь выделяет еще территорию гипотетического Краковского

географическое положение этих рек, которые, за исключением самих верховьев, текут почти параллельно друг другу, свидетельство грамоты следует трактовать не иначе, как обозначение в качестве крайней восточной точки некоего района или поселения, находившегося у истоков обеих рек³⁴. Границы диоцеза в данном случае, несомненно, отражали границы созданного в середине X в. усилиями чешского князя Болеслава I (935–972) сложносоставного потестарного объединения («мультиполитии») с центром в Праге, которое за неимением другого подходящего термина мы будем условно именовать «Пражской империей»³⁵. Основываясь на всей этой информации, Х. Ловмянский в свое время высказал мнение о том, что в середине X в. Плиснеск являлся крайним восточным форпостом Праги³⁶.

Полагая, что между гигантскими размерами Плиснеского городища, его положением на границе «Пражской империи» и «путем из немец в хазары», действительно, существовала какая-то взаимообусловленность, мы склонны поддержать гипотезу авторитетного слависта. В этой связи хотелось бы обратить внимание и на одно известие еврейского путешественника XII века Вениамина Тудельского, которое, судя по своему содержанию (акцент на работорговле), восходит к гораздо более раннему источнику, современному «Пражской империи». Описывая Русь, Вениамин Тудельский сообщает, что это «царство» простирается от «ворот Праги» до города Пина (Фина), который современные исследователи склонны отождествлять с Киевом³⁷. Если речь, действительно, идет о Киеве, то Русь еврейского автора простирается вдоль «пути из немец в хазары», что в связи с упоминанием работорговли едва ли может удивить.

епископства, якобы тоже основанного в 976 г. (см.: *Steinhübel J. Kapitoly z najstarších českých dejín 531–1004. Kraków, 2012. S. 129–137*). Гипотеза о существовании в ту эпоху Краковского епископства основывается на присутствии в позднейшем каталоге краковских епископов перед именем епископа Поппона двух загадочных имен — Прохор и Прокульф. Г. Лябуда, с позицией которого полемизирует Я. Штайнхюбель, обосновывал мнение, что Прохор и Прокульф были епископами Оломоуца, в церковной юрисдикции которого до создания объединенного диоцеза должен был находиться Краков (см.: *Labuda G. Kraków biskupi przed rokiem 1000. Przyczynek do dyskusji nad dziejami misji metodiańskiej w Polsce // Studia Historyczne. 1984. R. XXVII. Z. 3 (106). S. 388–399*).

³⁴ С истоками рек связывает границу А. В. Назаренко, говоря об образуемом ими «точечном рубеже»: *Назаренко А. В. Русь и Германия в IX–X вв. // ДГВЕ. 1991 год. М., 1994. С. 114.*

³⁵ О центральной роли Праги в «империи», созданной Болеславом I, и не вызывающем удивления отсутствию у «империи» стабильного наименования см.: *Třeštík D. «Veliké město Slovanů jménem Praha»... S. 49–65.* — Об истории формирования «империи» см. подробно: *Matla-Kozłowska M. Pierwsi Przemysłdzi i ich państwo (od X do połowy XI wieku). Expansja terytorialna i jej polityczne uwarunkowania. Poznań, 2008. S. 76–239.*

³⁶ *Łowmiański H. Początki Polski: Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n. e. T. IV. Warszawa, 1970. S. 486.*

³⁷ «Оттуда дальше простирается страна Богемия, называемая иначе Прагой; это начало Склавонии, и евреи, там живущие, называют эту землю Ханааном, потому что туземцы продают своих сыновей и дочерей всем народам, и так же делают жители Руси. Это царство весьма обширно и простирается от ворот Праги до ворот Пина, великого пограничного города царства. Страна гористая и лесистая, где водятся звери, называемые вайрагрес и наблинац. Там человек зимой не выходит из дверей своего дома от ужасной стужи. Доселе о царстве Руси» (Вениамин Тудельский / Перевод П. В. Марголина // Три еврейских путешественника. М., 2004. С. 194).

Но что имеется в виду под «воротами Праги»? Учитывая, что Прагой или Богемией в тексте Вениамина, судя по контексту, именуется вся «Пражская империя», то, очевидно, «воротами Праги» в источнике должна была именоваться некая важная крепость, проход через которую был необходим для доступа торговых караванов к Пражскому торжищу. Думается, что Плиснеск как нельзя лучше подходит на эту роль.

Сознательно избегая конкретизировать понятие «форпост Праги» и не собираясь спекулировать на тему возможного присутствия в Плиснеске надзирававшего над происходящим гарнизона воинов Болеслава³⁸, ограничимся осторожным выводом, важным для дальнейшего хода наших рассуждений. Он заключается в том, что в 960-е гг., когда, по свидетельству Ибрахима ибн Йак'уба, Болеслав I уже правил Богемией, Моравией и Краковской землей³⁹, Плиснеск должен был находиться под контролем людей, которые как минимум были лояльны Праге и были заинтересованы в нормальном функционировании торгового пути, связывавшего Краков и Прагу с Киевом и Булгаром. Кажется, у нас есть возможность судить о том, кто были эти люди.

В историографии неоднократно высказывалось мнение, что верховья Буга и Стыри, а также более или менее значительные территории по соседству, находились в середине X в. в составе Лендзянской склавинии, упоминаемой в трактате византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей»⁴⁰. Главным аргументом в пользу данного мнения является отмечаемое в трактате соседство лендзян с печенегами, а именно с печенежской фемой Иавдиертим, располагавшейся на правом берегу Днепра западнее фемы Харавой, которая, по свидетельству венценосного историка, граничила с «Росией», то есть с округой Киева⁴¹. Пытаясь более точно определить границы фемы Иавдиертим, исследователи обращались к проблеме локализации так

³⁸ О присутствии чехов (видимо, чешского гарнизона) в Кракове сообщает хроника Козьмы Пражского, описывая занятие города польским князем Мешко, что, впрочем, является уникальным свидетельством существования подобной практики в «Пражской империи» (см. об этом: *Sikorski D. A. Początki Kościoła...* S. 17). Как управлялась «Пражская империя» и какой тип политической организации она собой представляла — вопросы, давно породившие обширную дискуссию и все еще далекие от разрешения. О современном состоянии проблемы см.: *Kalhous D. Anatomy of a Duchy...* P. 11–45. Так или иначе, на присутствие на Волыни выходцев из ядра «империи» — Богемии — может указывать информация ПВЛ о проживании на Буге дулебов и присутствие в регионе дулебской топонимики (см. ниже примеч. 60).

³⁹ MMFH. Vol. III. S. 411.

⁴⁰ Из новых работ с обзором предшествующей историографии см. особенно: *Fokt K. 1) Zagadka plemion znad Bugu, Sanu, Dniestru i Styru // PH. 2004. R. 45. S. 441–456; 2) Lędzanie — how far from the Empire? // Byzantium, new peoples, new powers: the Byzantino-Slav contact zone, from the ninth to the fifteenth century / Ed. M. Kaimakamova, M. Salamon. Kraków, 2007. P. 109–122; 3) Śladami etnicznej stratygrafii, czyli u źródeł zachodniej połowy Słowiańszczyzny // Wędrówka i etnogeneza w starożytności i w średniowieczu / Pod red. M. Salamona i J. Strzelczyka. Kraków, 2010. S. 269–289; *Parczewski M. Problem Lędzian a kształtowanie się polsko-ruskiej rubieży etnicznej // U źródeł Europy środkowo-wschodniej: pogranicze polsko-ukraińskie w perspektywie badań archeologicznych / Red. M. Dębiec, M. Wołoszyn. Rzeszów, 2007. S. 161–176.**

⁴¹ *Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под. ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева; пер. Г. Г. Литаврина. М., 1991. С. 157.*

называемого «Печенежского леса», упоминаемого в одном из позднейших источников применительно к какой-то местности на территории Западной Украины: высказывалось логичное предположение, что это название могло восходить к лесному массиву, в свое время отделявшему территорию, контролируемую печенегами, от более северных областей Восточной Европы⁴². К настоящему времени можно с уверенностью говорить о существовании в первой половине XVII в. леса с подобным названием в правобережье южного Буга в верхнем течении реки Сильницы южнее Брацлава⁴³. Конечно, было бы неразумно делать из этого обстоятельства далеко идущие выводы, касающиеся локализации «фемы» X века, но, думается, нельзя впадать и в другую крайность, отказываясь замечать, что существование подобного архаичного топонима хорошо вписывается в этнополитическую карту, рисуемую на страницах трактата Константина Багрянородного.

Локализация лендзян к юго-западу от древлян хорошо согласуется также с тем давно установленным лингвистами фактом, что бытовавшее у восточных славян название поляков «ляхи» происходит именно от названия «лендзяне»⁴⁴. В этой связи важным представляется наблюдение В. Я. Петрухина, обратившего внимание на сходство перечня славянских народов, содержащегося в космографическом введении ПВЛ, где ляхи, наряду с мораванами и чехами, фигурируют в числе первых по времени своего появления народов словенского корня, с информацией раннесредневекового еврейского источника — книги «Иосиппон», созданной в середине X в. на юге Италии⁴⁵. Дело в том, что именно в «Иосиппоне» упоминается народ «Ляхин», который с большой долей вероятности может быть отождествлен с ляхами-лендзянами⁴⁶. Соответствующий фрагмент памятника гласит: «И Моравы, и Харваты, и Сорбин, и Лучанин, и Ляхин, и Кракар, и Боймин считаются (происходящими) от сыновей Доданим, живут же они на берегу моря, от границы Булгар до Веникии на море; и оттуда простираются до границы Саксонии, до великого моря; они-то и называются Склавы, а иные говорят, что они от сыновей Ханаана, но они возводят свою родословную к сыновьям Доданим»⁴⁷.

Отразившееся в этом сообщении использование латинского этника «*Sclavi*» по отношению к народам, проживавшими между Болгарией и страной веникиков вдоль побережья Адриатики, зафиксировано в целом ряде источников, включая письма римских пап и венецианские хроники⁴⁸. По всей видимости, именно характерное для Италии пред-

⁴² Историографию вопроса см.: *Kollinger K. Polityka wschodnia Bolesława Chrobrego (992–1025)*. Wrocław, 2014. S. 390–391.

⁴³ *Kollinger K. Polityka wschodnia Bolesława Chrobrego...* S. 391.

⁴⁴ См., например: *Makarski W. Pogranicze polsko-ruskie do połowy wieku XIV. Studium językowo-etniczne*. Lublin, 1996. S. 60–62.

⁴⁵ *Петрухин В. Я.* Славяне и Русь в «Иосиппоне» и «Повести временных лет». К вопросу об источниках начального русского летописания // Славяне и их соседи. Вып. 5: Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Средние века — Новое время / Отв. ред. Л. В. Заборовский. М., 1994. С. 44–56.

⁴⁶ О перечне славянских народов в «Иосиппоне» см.: *Рашковский Б. С.* Книга Иосиппон, как источник по истории славян и некоторых других народов Восточной Европы // *Славяноведение*. 2009. № 2. С. 3–15.

⁴⁷ ДРСЗИ. Т. III. С. 173.

⁴⁸ Подробнее см.: *Алимов Д. Е.* Этногенез хорватов: Формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX вв. СПб., 2016. С. 284–290.

ставление о живущем на противоположном берегу Адриатики народе под названием «*Sclavi*», побудило еврейского автора отождествить с этим «народом», то есть дискурсивным конструктом, одноименный «народ», то есть также дискурсивный конструкт, с другого края Европы, о котором ему было известно из собственно еврейской традиции⁴⁹. Судя по данным «Иосиппона», эти другие «славяне», с которыми еврейский автор отождествил средиземноморских «склавов», проживали к востоку от Саксонии, причем, по крайней мере, часть из них обитала вдоль хорошо знакомого еврейским купцам «пути из немец в хазары». В приводимом в «Иосиппоне» перечне народов, именуемых славянами, легко распознать две соседствующие друг с другом группы этнополитических общностей: в первую входят мораване, (силезские) хорваты, сорбы и «Лучанин» (лютичи?), во вторую — жители Богемии, «Краковии» и «Ляхин».

Если «Ляхин» — это лендзяне, то показательно, что они в представлении автора «Иосиппона» были не просто восточными соседями «Краковии» (к западу от нее находилась Богемия), но и вообще самым восточным «славянским» народом. Подобная картина находит удивительное соответствие в космографическом введении и статье 898 г. ПВЛ, где, как справедливо заметил еще Н. К. Никольский, роль этногенетического ядра славянского мира играет триада племен «морава — чехи — ляхи»⁵⁰. На наш взгляд, единственным рациональным объяснением возникновения этой этногенетической триады является наличие политически институционализированной коммуникативной сети в виде «Пражской империи». Заметим, что существование такой сети объективно создавало условия и для распространения на восток паннонско-моравского этнонима «словене», который определенно должен был иметь хождение на землях Моравского (Оломоуцкого) епископства, чьи окраинные территории, судя по всему, соответствовали восточной части диоцеза Войтеха с границей на Буге и Стыри⁵¹.

Если сопоставить информацию Константина Багрянородного о Лендзянской склавинии со сведениями грамоты 1086 г. о восточной границе Пражского диоцеза и данными книги «Иосиппон» о народе «Ляхин», а также принять во внимание географические условия местности, то можно прийти к выводу, что Лендзянская склавиния занимала пространство к западу от верховьев Горыни (в востoku от которых начинались земли древлян⁵²) и, по всей видимости, включала в свой состав территорию, на которой расположен Плиснск. Встречающиеся в историографии утверждения, что на этой территории проживали некие другие племена (воляняне, червяне, хорваты, дулебы, бужане), на наш взгляд, лишены прочных оснований. В первую очередь, это касается так называемых «волянян»⁵³, а также

⁴⁹ Стоит ли говорить, что оба «народа» при этом являлись не более чем возникшими в разных культурных средах дискурсивными конструктами, отождествление которых друг с другом на страницах «Иосиппона» привело к появлению еще одного, весьма причудливого с точки зрения географии, дискурсивного образа.

⁵⁰ Никольский Н. К. Повесть временных лет... С. 37, 81.

⁵¹ Подробную аргументацию в пользу тезиса о церковной власти Оломоуца над Краковской землей см.: Labuda G. Kraków biskupi przed rokiem 1000... S. 393–399.

⁵² Звіздецький Б. А. Про кордони Древянської землі // Археологія. 1989. № 4. С. 56–58.

⁵³ Как таковые «воляняне» упоминаются только в ПВЛ, причем из самого источника следует, что эта общность сложилась недавно: «Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне вельняне» (Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и комментарии Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб., 2007 (далее — ПВЛ. 2007). С. 10). Летописная формули-

«червян»⁵⁴ — общностей, в самом существовании которых как этнополитических единиц есть все основания усомниться.

ровка вполне позволяет интерпретировать название этой общности как производное от названия находившегося чуть западнее Буга города Вольня, отстроенного уже после освоения края русичами. Вопреки этому обстоятельству, в историографии летописных вольнян неоднократно пытались связать с таинственным народом *В.линана*, фигурирующим в трактате ал-Мас'уди (X в.) в качестве древнейшего славянского народа, давшего затем начало прочим славянским племенам. Вкупе с известием ПВЛ о проживании на Буге дулебов и летописным рассказом о насилиях над дулебами со стороны обров (аваров) отождествление вольнян с *В.линана* привело к появлению громоздкой историографической конструкции о существовавшей на Вольни будто бы еще в VI в. (!) державе дулебов-вольнян, память о которой непонятным образом сохранилась до X–XI вв. (из новых работ, развивающих эту старинную гипотезу, восходящую к работам Й. Маркварта и В. О. Ключевского, см. особенно: *Жих М. И.* Древние славяне на Вольни (I тыс. н. э.). Часть вторая // Исторический формат. 2016. № 2. С. 59–91). Эта гипотеза, остроумно комбинируя сведения из разных источников, не учитывала, однако, в полной мере специфики «социального знания» средневекового арабского автора. Так, фигурирующий в трактате ал-Мас'уди царь *Мадж.к.*, некогда правивший народом *В.линана*, прототипом которого, по мнению сторонников существования Дулебского княжества на Вольни, был некий славянский правитель («Мужик?»), легко интерпретируется как литературный образ, восходящий к библейскому Мешеху (см.: *Кибинь А. С.* Маджак, древний герой раннеславянской истории // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 7. СПб., 2017. С. 44–58). Что касается летописного сообщения об обрах (аварах), угнетавших дулебов, то, судя по всему, оно имело западнославянский источник, появившись в ПВЛ как элемент «Сказания о преложении книг на словенский язык». См. подробно: *Кибинь А. С.* Дулебы и обры (авары) Повести временных лет // Петербургский исторический журнал. 2017. № 3 (15). С. 141–161. — Ссылка на хождение на Руси приводимой в ПВЛ поговорки об исчезновении обров («погибоша аки обьри»), к которой прибегают сторонники тезиса о сохранении у восточных славян «племенной памяти» об аварах, также не выдерживает критики: как показал А. С. Кибинь, имевшая эсхатологический смысл летописная «притча» была элементом восточнохристианской книжной традиции, а не народного фольклора: *Кибинь А. С.* Притча «погибоша аки обьри» и пророчество Псевдо-Мефодия // ВЕДС. XXX Юбилейные чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2018. С. 144–148.

⁵⁴ Из новых работ см. особенно: *Ляска В. М.* Між Прагою, Києвом та Гнезно. *Zeriuane / zuireani* «Географа Баварського»: до проблеми етнопотестарних структур Волини у ранньому Середньовіччі // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2014. Вип. 8. С. 11–20. — Распространенное в историографии представление о проживании на Вольни племени червян основывается на отождествлении народа *Zuireani*, упоминаемого в «Баварском географе» по соседству с народом *Busani* (бужане?), с народом *Zeriuani*, фигурирующем в другом месте этого же источника с указанием, что из этой страны (*regnum*) ведут свое происхождение все славянские народы (ММГН. Vol. III. P. 288–289). Отождествление этих названий с летописными Червенскими городами, а также комбинирование этногенетического мифа, запечатленного «Баварским географом», со свидетельством ал-Мас'уди о народе *В.линана*, отождествляемом при этом с вольнянами (см. выше), позволяло исследователям размещать на Вольни славянское «племя», якобы игравшее исключительную роль в славянской истории. Нетрудно заметить, что вся эта конструкция, основанная, в сущности, на отдаленных созвучиях названий, отчасти вдохновлена обусловленным примордиалистским подходом к славянскому этногенезу представлениями о «славянской прародине» в Прикарпатье, побуждавшими толковать средневековые этногенетические легенды сквозь призму современного «этногенетического дискурса», охотно оперирующего данными лингвистики и археологии.

Что касается (карпатских) хорватов, которым в историографии нередко приписывался контроль над обширными районами Прикарпатья⁵⁵, то точно локализовать их на основании трех беглых упоминаний в ПВЛ (одно из которых — об участии хорватов в походе Олега на Византию — является вымыслом⁵⁶) не представляется возможным⁵⁷, а известия трактата Константина Багрянородного, где Великой Хорватией, в соответствии с византийской картиной мира, именуется вся «Пражская империя»⁵⁸, как и известия пражской грамоты 1086 г., где фигурируют чешско-силезские — а отнюдь не карпатские — хорваты⁵⁹, едва ли могут здесь чем-то помочь. Древнейшие известия о дулебах связывают эту общность с Паннонией и Богемией, вследствие чего присутствие дулебов на Волыни, фиксируемое русской летописью и подтверждаемое топонимикой, легко объяснить распространением дулебов, кем бы они ни были, с запада, вероятно, именно в период экспансии на восток Болеслава I Пржемысловича⁶⁰. Остается, таким образом, лишь одно «племя», которое в трудах исследователей хотя бы теоретически может «соперничать» с лендзянами за территорию. Это бужане, упоминаемые древнерусским летописцем как древние насельники (верховьев) Буга и обычно отождествляемые в историографии с народом *Busani*, упоминаемым «Баварским географом»⁶¹.

В этой связи если не более убедительным, то более корректным, с точки зрения принципа историзма, толкованием приводимого «Баварским географом» сообщения о стране *Zeriuani*, представляется нам гипотеза Д. Тржештика, который, обращая внимание на необычное для данного источника именование этой страны термином «*regnum*», определяет ее как мифическую (*Třeštík D. Mýty kmene Čechů (7.–10. století). Tři studie ke «Starým pověstem Českým»*. Praha, 2003. S. 31–33, 53).

⁵⁵ Из новых работ см. особенно: *Войтович Л. В.* 1) Карпатські хорвати в етнополітичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього середньовіччя // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.). Вип. 4. Київ, 2004. С. 105–132; 2) Повертаючись до хорватів Костянтина Багрянородного // Нартекс. *Byzantina Ucrainensis*. Т. 2. 'Ρωμαϊος: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана. Харьков, 2013. С. 71–101; *Майоров А. В.* Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб., 2006.

⁵⁶ См.: *Горский А. А.* К вопросу о составе войска Олега в походе на Царьград // ВЕДС. XIV Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2002. С. 51–53.

⁵⁷ См. новейший обзор проблематики: *Kollinger K.* *Polityka wschodnia Bolesława Chrobrego...* S. 13–32.

⁵⁸ К такому заключению еще сто лет назад пришел Ф. Вестберг (*Вестберг Ф.* Комментарий на записку Ибрагима ибн-Якуба о славянах. СПб., 1903. С. 95–100), после чего этот вывод неоднократно звучал в трудах разных исследователей. Из новых работ, суммирующих аргументы предшествующих, см.: *Třeštík D. Mýty kmene Čechů...* S. 82–88.

⁵⁹ Подробнее см.: *Алимов Д. Е.* Этногенез хорватов... С. 241–248.

⁶⁰ В трактате ал-Масуди предшественник Болеслава I Вацлав (*Ван.дж С.лаф*) именуется правителем дулебов (*Дулана*) (ММФН. Vol. III. S. 406; см. комментарий: *Мишин Д. Е.* Сакалиба... С. 63). О проблеме дулебской идентичности см. подробно: *Кибинь А. С.* 1) Дулебы в поставарском историко-политическом контексте (новые направления историографии) // Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии. Сб. статей памяти Д. А. Мачинского. СПб., 2014. С. 157–165; 2) Дулебы и обры (авары)... С. 142–144.

⁶¹ Из новых работ, развивающих этот тезис, см. особенно: *Довгань П.* Бужани як етнічний та державотворчий чинник у давній історії України // ВІА. 2008. Вип. 3. С. 46–57; *Ляска В.* Від племінного союзу до князівського уділу: Бужеська волость у середньовіччі // Вісник Львівського університету. Серія історична. 2016. Вип. 52. С. 11–25.

Однако информация об этом народе настолько скудна⁶², что использовать ее в качестве аргумента против локализации лендзян в верховьях Буга и Стыри было бы некорректно: бужане могли быть соседями лендзян, подвластной им локальной поселенческой группой и т. п.

У локализации лендзян на позднейшем русско-польском пограничье есть лишь одна «ахиллесова пята», на которую справедливо обращено внимание в современной историографии. Дело в том, что отождествление лендзян с племенем (или объединением племен), проживавшим в верховьях Буга и Стыри, заставляет представлять такую этнополитическую карту ранней Руси, которая, как кажется, совершенно противоречит той, что вырисовывается из данных начального русского летописания, где первыми объектами «дистанционной эксплуатации» (рэкеты) со стороны русов выступают лишь относительно близкие к Киеву древляне и уличи, но никак не жители далекой Волыни. Стремление согласовать информацию византийского императора с данными русской летописи создало почву для появления в историографии альтернативной традиционному взгляду локализации лендзян: основываясь на значении лежащего в основе названия этого племени слова *lęda («невозделанная земля, поле»), лендзян Константина Багрянородного предлагается отождествить с летописными полянами⁶³.

Оставляя пока в стороне проблему соотношения названий «лендзяне» и «поляне», отметим, что сдвигать Лендзянскую склавинию к Днепру только исходя из статуса лендзян как пактиотов русов было бы неверно. Так, стоит обратить внимание на тот факт, что в трактате Константина Багрянородного склавиния лендзян, хотя и названа подплатежной руси, не фигурирует в числе объектов совершаемого киевскими русами полюдья. Складывается впечатление, что лендзяне, хотя и были пактиотами русов, не знали «дистанционной эксплуатации» с их стороны, а потому характер их отношений с «Росией» не может быть описан исключительно в категориях господства — подчинения. Учитывая расположение Лендзянской склавинии прямо на «пути из немец в хазары», нам представляется, что статус лендзян как пактиотов России означал их *социально-политическое партнерство* с русами, возможно, аналогичное описанному в русской летописи партнерству руси со словенами. Такой сценарий выглядит тем более вероятным, что вполне согласуется с картиной, вырисовывающейся из скудных, но показательных известий источников (хазарский царь Иосиф, Ибрахим ибн Йак'уб, книга «Иосиппон»), характеризующих ситуацию на «пути из немец в хазары» в середине X в. Картина эта выглядит следующим образом: «племенные» политики сменяют одна другую на пути движения торгового каравана, а их подконтрольность эфемерным

---

⁶² См.: *Щавелев А. С.* Славянские «племена» Восточной Европы X – первой половины XI в.: аутентификация, локализация и хронология // *SSBP*. 2015. № 2 (18). С. 115.

⁶³ См.: *Конча С. В.* 1) «Лензяни» в контексті Київської Русі // *Збірник наукових праць Науково-дослідного інституту українознавства*. 2007. Т. XV. С. 256–272; 2) *Lenzaninói* Константина Багрянородного у контексті проблеми ляхів-лендзян // *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Українознавство*. 2007. Вип. 11. С. 4–7; 3) «Лензяни» і поляни // *Українознавство*. 2008. Вип. 12. С. 47–49; *Щавелев А. С.* Еще раз об идентификации и локализации славянского «племени» *Λενζανῆνοι / Λενζενῆνοι / *lędjane* // *Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: Призвание, творчество, общественное служение историка: Материалы XXVI Международной научной конференции*. М., 2014. С. 424–427.

державам («Пражская империя», Хазарский каганат) находит выражение, прежде всего, в функционировании сетевой инфраструктуры, обеспечивающей возможность стабильной коммуникации между основными торговыми центрами. В такой ситуации границы и формы политической лояльности политий, интегрированных в крупные сети, могут оказаться довольно размытыми⁶⁴.

В этой связи обращает на себя внимание и присутствие западнославянской (видимо, лехитской) антропонимии в социальной верхушке Киева середины X в. Так, во включенном в русскую летопись тексте договора руси с греками 944 г. среди представителей «рода русского» упоминается посол некоего Володислава⁶⁵. Несмотря на характерное восточнославянское полногласие летописной формы имени, сам по себе этот антропоним является характерным именно для западных славян, вследствие чего как в польской, так и в российской историографии высказывалась мысль, что Владислав был лендзянским князем⁶⁶. Видимо, не является случайным и то, что древнейшие засвидетельствованные в источниках формы имен киевских архонтов имеют носовые звуки (Ингор, Свентослав), притом что, например, восточнославянские названия днепровских порогов, находившихся в зоне первоначального расселения уличей, носовых не имеют. Западнославянские формы имен киевской социальной верхушки можно, разумеется, трактовать по-разному, но проще всего считать их свидетельством тесного, возможно, приобретавшего характер симбиоза⁶⁷, взаимодействия киевских русов с лендзянами.

⁶⁴ Интересно в связи с этим приводимое в «Анналах Пегау» (XII в.) предание о могущественном предке чешских правителей — короле Буго, будто бы распространившем свое господство до «провинции серингов» (*provincia Seringorum*) (MGH. SS. 1859. T. 16. P. 236). В то время как король Буго — это, очевидно, Болеслав I (см.: *Trěstík D. «Veliké město Slovanů jménem Praha»...* S. 303. Pozn. 182), под «провинцией серингов» — в соответствии с античными и средневековыми представлениями о народе серов (*gens Serica*) — надлежит понимать Китай или иную отдаленную страну на востоке ойкумены, в первую очередь, из числа тех, что лежали по «Великому шелковому пути» (по мнению Д. Тржештика, имелась в виду Согдиана: *Trěstík D. «Veliké město Slovanů jménem Praha»...* S. 303. Pozn. 182). Возникновение подобного дискурсивного конструкта, в котором «Пражская империя» простирается до Китая или Мавераннахра, является, на наш взгляд, особенно наглядной иллюстрацией обусловленности раннесредневекового политического дискурса практикой дальней торговли, что отчетливо заметно и в других источниках, характеризующих политическую ситуацию в регионе (Константин Багрянородный, царь Иосиф, Ибрагим ибн Йак'уб, «Иосиппон», Вениамин Тудельский). Такая обусловленность, естественно, создает серьезные интерпретационные проблемы для современного исследователя, пытающегося осмыслить соответствующие этим дискурсивным конструктам формы политической организации и найти адекватный язык для их описания.

⁶⁵ «Улѣбъ Володиславль» (ПВЛ. 2007. С. 23).

⁶⁶ *Kuczyński S. M. Studia z dziejów Europy Wschodniej. Warszawa, 1965. S. 15–16; Labuda G. Studia nad początkami państwa polskiego. T. II. Poznań, 1988. S. 206; Скрынников П. Г. Исторический факт и летопись // ТОДРЛ. 1996. Т. 50. С. 313. О социальном статусе перечисленных в договоре лиц см.: Стефанович П. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012. С. 377–440.*

⁶⁷ В трактате ал-Мас'уди рассказывается об одном из «видов» русов под названием Луда'ана (написание существенно варьируется в разных списках), представители которого, по словам автора, ходили торговать в ал-Андалус, Италию, Византию и Хазарию (см.: ДРСЗИ. Т. III. С. 114). Трудно удержаться от соблазна отождествить этот торговый народ именно с ленд-

Вероятность того, что лендзяне были торговыми партнерами русов на «пути из немец в хазары», позволяет несколько иначе подойти к проблеме соотношения лендзян и киевских полян. В недавнее время В. Дучко и А. П. Толочко справедливо обратили внимание на обстоятельства, не позволяющие принять традиционную для историографии интерпретацию полян как одного из восточнославянских племен, будто бы обитавшего в Среднем Поднепровье еще до появления здесь руси⁶⁸. К числу этих обстоятельств относится красноречивое отсутствие упоминаний о киевских полянах за пределами летописной традиции, трудность идентификации их «племенной территории» и — что особенно важно — содержание самих летописных известий о полянах, из которых со всей очевидностью следует, что полянами именовались жители Киева. Если добавить к этому столь ярко обозначенное в ПВЛ противопоставление цивилизованных полян, то есть киевлян, своим диким соседям — гентильным общностям Восточной Европы, то представление о том, что поляне и, к примеру, древляне могли являться общностями одного порядка, покажется еще менее убедительным.

Из этого, впрочем, отнюдь не следует, что поляне были конструктором летописца. Как справедливо заметил по этому поводу П. Жмудзкий, недавно подробно рассмотревший вопрос о характере полянской идентичности в славянском мире⁶⁹, искусственной является любая средневековая традиция, повествующая о происхождении какой-либо общности, однако сам факт продуцирования такой традиции «может свидетельствовать о том, что функционирует сообщество, которое нуждается в таком толковании идентичности»⁷⁰. Действительно, все, как кажется, указывает на то, что в случае с полянами речь шла не о древней, «племенной», а новой, «неплеменной», идентичности, появившейся в Киеве. Такая идентичность могла появиться в Киеве только тогда, когда здесь уже проживало многочисленное, гетерогенное по своему происхождению, славяноязычное население, то есть не ранее X в. Иными словами, киевские поляне (подобно новгородским словенам) были новой квазиэтнической общностью, чье появление было обусловлено выпадением составивших данную общность людей из системы традиционных гентильных связей.

Подобное же, ориентированное на разрыв с предшествующей гентильной традицией, новое название — *Polani / Poleni* — около 1000 г. появляется в державе Пястов⁷¹, где противостоящий христианской цивилизации мир дикости отныне стали

зянами, хотя необходимо признать, что возможность подобного отождествления требует не предвзятого исторического, а беспристрастного филологического обоснования. На сегодняшний день наиболее разработанной является версия, согласно которой «Луда‘ана» — это норманны (ал-Урдуманийя) (см.: *Калинина Т. М.* Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // ДГВЕ. 1999 г. М., 2001. С. 205–206).

⁶⁸ *Duczko W.* Ruś wikingów. Historia obecności Skandynawów we wczesnośredniowiecznej Europie Wschodniej. Warszawa, 2006. S. 173–174; *Толочко А. П.* Очерки начальной руси. С. 82–92.

⁶⁹ *Żmudzki P.* Kulturowy kontekst nazw «Polanie», «Polacy», «Polska» w średniowiecznej historiografii polskiej i ruskiej // *Symboliczne i realne podstawy tożsamości społecznej w średniowieczu* / Red. S. Gawlas, P. Żmudzki. Warszawa, 2017. S. 165–219.

⁷⁰ *Żmudzki P.* Kulturowy kontekst... S. 208.

⁷¹ О позднем возникновении названия «поляне» и его «государственном» характере (с существенными отличиями в объяснениях его появления) см.: *Fried J.* Święty Wojciech i Polska. Poznań, 2001; *Urbańczyk P.* Trudne początki Polski. Wrocław, 2008. S. 317–360;

олицетворять собой враждовавшие с Пястами поморяне и лютичи⁷². По мнению Жмудзкого, между появлением полянской идентичности в Киеве и в державе Пястов не существовало прямой связи, а само ее появление в двух разных частях славяноязычного пространства отражает закономерности в самосознании и саморепрезентации традиционных обществ, подчеркивавших свое культурное превосходство над соседями посредством артикуляции «поля» как древнего архетипического символа самодостаточного, отделенного от остального мира, пространства «цивилизованной» жизни⁷³.

Вместе с тем, отмечаемая лингвистами семантическая близость названий «лендзяне» и «поляне» побуждает думать, что близкое по времени появление полян в Киеве и в державе Пястов не было простым совпадением. Считается, что названием «лендзяне» могли обозначаться жители «пустыни, нови, необработанной земли, пригодной для земледелия»⁷⁴, то есть «новоселы», «целинники»⁷⁵, причем, по мнению О. Н. Трубачева, название «лендзяне» было даже не самоназванием, а прозвищем, которое давали полянам их соседи-славофоны, подчеркивая их статус недавних колонистов⁷⁶. Данное толкование, как нам представляется, открывает возможность для гипотетической привязки лендзянской идентичности не только к хозяйственному, но и к социально-политическому контексту Центральной и Восточной Европы середины X в., ведь если лендзяне были жителями пустошей, то их образ жизни (включая мобильность и вовлеченность в дальнюю торговлю) мог восприниматься как социальная альтернатива традиционному «племенному» укладу⁷⁷. В этом случае полянскую групповую идентичность, возникшую в период социально-политических трансформаций рубежа X–XI вв., можно было бы

Tapolcai L. Polanie — plemię, dynastia, państwo? Skąd się wzięły nazwy Poloni i Polonia w źródłach zachodnich w końcu X i na początku XI wieku? // Człowiek w średniowieczu. Między biologią a historią / Red. A. Szymczakowa. Łódź, 2009. S. 93–102. — Фигурировавшее в предшествующей литературе «племя» полян, якобы обитавших в бассейне Варты, очевидно, следует признать историографической фикцией. Судя по данным «Баварского географа», в этих краях, где расположено крупное озеро Гопло, проживали «гопляне» (*Glopeani*).

⁷² См.: *Urbańczyk P.* Slavic and Christian identities during transition to the Polish statehood // *Franks, Northmen, and Slavs: identities and state formation in early medieval Europe* / Ed. by I. H. Garipzanov, P. J. Geary, and P. Urbańczyk. Turnhout, 2008. P. 205–222.

⁷³ *Żmudzki P.* Kulturowy kontekst... S. 212–219.

⁷⁴ *Иванов В. В., Топоров В. Н.* О древних славянских этнонимах (Основные проблемы и перспективы) // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 435.

⁷⁵ *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002. С. 380.

⁷⁶ *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян... С. 234.

⁷⁷ Так, обращает на себя внимание присутствие названия общности, которая может быть отождествлена с лендзянами, в нескольких славянских этногенетических мифах. В то время как в ПВЛ с ляхами связывается происхождение радимичей и вятичей (ПВЛ. 2007. С. 10), в трактате Константина Багрянородного сообщается о происхождении рода захумского князя Михаила Вышевича от некрещеных поселенцев на реке Висла, носящих название «личики» (*Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 150). Возможно, сюда же стоит добавить и загадочное свидетельство сплитского хрониста Фомы Архидиакона о происхождении хорватов от неких лингонов (*Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита / Пер., комм., вступ. статья О. А. Акимовой. М., 1997. С. 35). Не сыграла ли здесь роль именно социальная специфика лендзянской идентичности? Вопрос нуждается в дальнейшем рассмотрении.

интерпретировать как новую, имевшую позитивные социальные коннотации, версию групповой идентичности тех, кто в предшествующую эпоху был известен под именем ляхов-лендзян.

Вовлеченные в дальнюю торговлю и имевшие вследствие этого объективную предрасположенность к идентификации «неплеменного» (а не просто «надплеменного»!) характера лендзяне объективно должны были быть более восприимчивыми и к усвоению группового названия «словене», которое, как уже отмечалось выше, как минимум должно было быть известно на территории сохранявшей великоморавские традиции Оломоуцкой епископии, в той или иной степени охватывавшей на востоке земли лендзян. Если это так, то присоединение киевских полян к «словенской» этногенетической триаде «моравы — чехи — ляхи», наблюдаемое в летописной статье 898 г., возможно, не было лишь результатом «изобретения традиции» с целью объяснить появление на Руси славянской письменности⁷⁸, а являлось результатом осмысления древнерусским историком в категориях современного ему этнического дискурса реально имевшего место распространения новых групповых идентичностей с запада на восток по «пути из немец в хазары» — явления, которое в настоящее время может быть адекватно осмыслено в рамках концепции культурного трансфера.

То, что в конечном итоге «неплеменные» по своему характеру групповые идентичности ляхов, полян, словен и руси приобрели в Восточной Европе то специфическое соотношение, которое фиксируется древнерусскими источниками XI–XII вв., является уже следствием бытования их в новом для них социально-политическом контексте⁷⁹,

---

⁷⁸ По мнению В. Я. Петрухина, летописец в данном случае отождествил с киевскими полянами польских полян, название которых присутствовало в исходном «Сказании о преложении книг на словенский язык» (*Петрухин В. Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры.* М., 2014. С. 214–216). Данное толкование основывается на перечне славянских народов в космографическом введении ПВЛ. В нем поляне напрямую связываются с ляхами и фигурируют в одном ряду с другими ляхскими народами — лютичами, мазовшанами и поморянами, из чего следует, что полянами здесь названы именно поляки. Интересно, однако, что все перечисленные в данном перечне общности, не исключая и полян-поляков, сложились довольно поздно — в конце X–XI вв., то есть, в сравнении с мораванами, чехами и ляхами (лендзянами), являются новыми образованиями. Складывается впечатление, что автор или редактор «Сказания» производил от ляхов (лендзян?) новые славяноязычные народы, сформировавшиеся к северу от «Словенской земли».

⁷⁹ Переломной, несомненно, является эпоха правления киевского князя Владимира Святославича (980–1015). Интересно, что под 981 г. в ПВЛ сообщается о походе Владимира «к ляхам», в результате которого киевский князь занял их грады, среди которых, по словам летописца, были Перемышль (Пшемьсль?) и Червень (Чермно?) (ПВЛ. 2007. С. 38). По мнению Г. Лябуды, считавшего, что сообщение восходит к древнему источнику эпохи Владимира, ляхами в данном случае названы лендзяне (*Labuda G. Studia nad początkami państwa polskiego.* Т. II. S. 167–200). Между тем, летописное известие не удалось согласовать с археологическими материалами. Так, в Пшемьсле и Чермне не было обнаружено ясных следов древних градов, которые бы могли занять русичи (обзор новой археологической литературы см.: *Kollinger K. Polityka wschodnia Bolesława Chrobrego...* S. 267–295). Захват русичами Пшемьсла ранее 1030-х гг. и вовсе выглядит маловероятным в свете присутствия в городе каменного дворца с ротондой, аналогичного пфальцам первых Пястов и, скорее всего, воздвигнутого Болеславом Храбрым (992–1025). В таких обстоятельствах спасти гипотезу Г. Лябуды можно только в одном случае — допустив, что восходящей к гипотетическому древнему источнику

рассмотрение которого выходит за рамки настоящей статьи. Нам же остается резюмировать вывод, к которому привели нас размышления, спровоцированные звучащей в современной науке критикой примордиалистских воззрений на славянскую этничность. Вывод этот заключается в том, что появление в Киеве и Новгороде новых неплеменных по своему характеру названий, включая название «словене», было обусловлено изменениями социального и культурного габитуса славяноязычного населения, концентрировавшегося в соответствующих локусах. При том, что сами эти изменения стали возможны благодаря развитию дальней торговли, появлению городов-эмпориев и становлению новых форм социально-политической организации, обусловленных, главным образом, военной и торговой активностью русов, рискнем высказать предположение, что именно лендзяне явились ключевым звеном в распространении на восток социального знания «Пражской империи», способствовавшего усвоению новой для Восточной Европы групповой идентичности — славянской.

Информация о статье

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 17-06-00464 А «Историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной Мир-Системе».

Автор: Алимов, Денис Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, d.alimov@spbu.ru; OrcID orcid.org/0000-0002-4733-4150

Заголовок: «Пражская империя» и лендзяне: размышления о появлении славянской идентичности в Восточной Европе

Резюме: В статье рассматривается вопрос о появлении славянской этнической идентичности на территории Древней Руси. Пытаясь найти (гипотетический) ответ на этот вопрос, автор фокусирует внимание на контактах, существовавших в X в. между Киевом и державой Пржемысловичей, в которой славянская групповая идентичность была унаследована от Великой Моравии. По мнению автора, славянская идентичность могла проникнуть в Киев (откуда она затем пришла в Новгород) из державы Пржемысловичей по известному торговому пути, связывавшему в X в. центры Западной и Центральной Европы с Киевом, Волжской Булгарией и Хазарией. При этом ведущую роль в контактах Киева с Центральной Европой автор приписывает племени лендзян, упоминаемому в трактате византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.). По мнению автора, лендзяне не только были тесно связаны с державой Пржемысловичей, но и контролировали Плиссек — важный политический и торговый центр, через который осуществлялись контакты славяноязычных сообществ Центральной Европы со Средним Поднепровьем. По мнению автора, из всех славяноязычных сообществ, тесно контактировавших с русами, лендзяне были наиболее способны к восприятию названия «словене» благодаря надлокальному характеру своей групповой идентичности и возможному влиянию на них Моравского (Оломоуцкого) епископства. Подчеркивая, что появление в Киеве и Новгороде новых неплеменных по своему характеру названий, включая название «словене»,

является лишь первая часть летописного сообщения («Иде Володимеръ к ляхомъ и зая грады их»), тогда как вторая — уточнение, внесенное позднейшим летописцем, перенесшим в эпоху Владимира реалии своего времени (ляхи — подданные Пястов, Перемышль и Червень — некогда польские города, находившиеся к концу XI в. под властью Киева). В этом случае грады лендзян, занятые Владимиром в 981 г., следовало бы, естественно, искать к востоку от Пшемьсля и Чермна и одним из первых претендентов здесь оказался бы разрушенный в конце X в. Плиссек. Хотя веских оснований для такого решения нет, заметим, что само сообщение о занятии градов заставляет задуматься о специфике социальной организации фигурирующих здесь ляхов, ведь, описывая кампании киевского князя против хорватов, вятичей и радимичей, летопись ни о каких градах не упоминает. В историографии сюжет с градами иногда рассматривался как дополнительный повод усомниться в достоверности известия 981 г., однако в свете предложенного нами понимания места лендзян в социальной истории Восточной Европы X в. он, думается, мог бы свидетельствовать как раз об обратном.

было обусловлено изменениями социального и культурного габитуса славяноязычного населения, концентрировавшегося в соответствующих локусах, автор высказывает идею, что именно лендзяне явились ключевым звеном в распространении с запада на восток «социального знания» державы Пржемысловичей («Правжской империи»), которое способствовало усвоению в Восточной Европе славянской идентичности.

Ключевые слова: славянская идентичность, славянская этничность, словене, лендзяне

Литература, использованная в статье

Алимов, Денис Евгеньевич. Этногенез хорватов: Формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX вв. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. 380 с.

Вестберг, Фридрих. Комментарий на записку Ибрагима ибн-Якуба о славянах. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1903. 152 с.

Войтович, Леонтий Викторович. Карпатські хорвати в етнополітичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього середньовіччя // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.). Вип. 4. Київ, 2004. С. 105–132.

Войтович, Леонтий Викторович. Викинги в Центрально-Восточной Европе: загадки Ладоги и Плиснеска (II) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2012. Вып. 1. С. 3–11.

Войтович, Леонтий Викторович. Повертаючись до хорватів Костянтина Багрянородного // Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Т. 2. 'Роміаос': збірник статей к 60-літтю проф. С. Б. Сорочана. Харьков: Майдан, 2013. С. 71–101.

Горский, Антон Анатольевич. К вопросу о составе войска Олега в походе на Царьград // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва: Издательство ИВИ РАН, 2002. С. 51–53.

Діба, Юрій. Батьківщина Святого Володимира: Волинська земля у подіях X століття. Львів: Видавництво «Колір ПРО», 2014. 484 с.

Діба, Юрій. Формування території «Руської землі» IX–X ст. у контексті функціонування трансєвропейського торговельного шляху Булгар–Київ–Регенсбург // Минувле і сучасне Волині та Полісся. Місто Володимир-Волинський та Побужжя у світовій та українській історії. Успенський собор в історії міста Володимира-Волинського та України. Науковий збірник. Вип. 55. Матеріали 55 Всеукраїнської наукової історико-краєзнавчої конференції, присвяченої 1000-річчю пам'яті київського князя Володимира Великого та 860-ї річниці початку будівництва Успенського собору, 23 жовтня 2015 року, м. Володимир-Волинський / Упоряд. А. Силюк, В. Пикалюк. Луцьк, 2015. С. 42–50.

Діба, Юрій. Географія початкової русі за східними джерелами // Княжа доба: історія і культура. Вип. 10: Святий Володимир Великий 1015–2015. Львів: Національна академія наук України; Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2016. С. 9–58.

Довгань, Петро Михайлович. Бужани як етнічний та державотворчий чинник у давній історії України // Вісник Інституту археології. 2008. Вип. 3. С. 46–57.

Жих, Максим Іванович. К проблеме генезиса социальной топографии древнего Новгорода // Новгородика-2008. Вечерняя республика в истории России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 21–23 сентября 2008 г. Ч. 1. Великий Новгород, 2009. С. 30–47.

Жих, Максим Іванович. Древние славяне на Волыни (I тыс. н. э.). Часть вторая // Исторический формат. 2016. № 2. С. 59–91.

Звіздецький, Богдан Андроникович. Про кордони Древлянської землі // Археологія. 1989. № 4. С. 47–58.

Іванов, Вячеслав Всеволодович; Топоров, Владимир Николаевич. О древних славянских этнонимах (Основные проблемы и перспективы) // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 413–440.

Калинина, Татьяна Михайловна. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 190–210.

Кибинь, Алексей Сергеевич. Дулебы в поставарском историко-политическом контексте (новые направления историографии) // Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии. Сборник статей памяти Дмитрия Алексеевича Мачинского. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. С. 157–165.

Кибинь, Алексей Сергеевич. Дулебы и обры (авары) Повести временных лет // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. 2017. № 3 (15). С. 141–161.

- Кибинь, Алексей Сергеевич.* Маджак, древний герой раннеславянской истории // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 7: К 60-летию проф. А. Ю. Дворниченко / Отв. ред. Петров, Алексей Владимирович. Санкт-Петербург, 2017. С. 44–58.
- Кибинь, Алексей Сергеевич.* Притьча «погибоша аки обьри» и пророчество Псевдо-Мефодия // Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы конференции. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2018. С. 144–148.
- Кокорцов, Павел Константинович.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Ленинград: Типография АН СССР, 1932. 134 с.
- Концецкий, Владимир Яковлевич.* Социальная организация населения Приильменья и формирование коренной территории Новгородской земли в конце I тыс. н. э. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1995. Вып. 9. С. 31–40.
- Конча, Сергій Вікторович.* «Лензяни» в контексті Київської Русі // Збірник наукових прац Науково-дослідного інституту українознавства. 2007. Т. XV. С. 256–272.
- Конча, Сергій Вікторович.* Lenzanipoi Константина Багрянородного у контексті проблеми ляхів-лендзян // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Українознавство. 2007. Вип. 11. С. 4–7.
- Конча, Сергій Вікторович.* «Лензяни» і поляни // Українознавство. 2008. Вип. 12. С. 47–49.
- Ляска, Віталій Михайлович.* Між Прагою, Києвом та Гнезно. Zębiuane/zuigeani «Географа Баварського»: до проблеми етнопотестарних структур Волині у ранньому Середньовіччі // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2014. Вип. 8. С. 9–72.
- Ляска, Віталій Михайлович.* Від племінного союзу до князівського уділу: Бужеська волость у середньовіччі // Вісник Львівського університету. Серія історична. 2016. Вип. 52. С. 11–52.
- Майоров, Александр Вячеславович.* Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 209 с.
- Мицько, Ігор Зіновійович.* Пліснеськ — батьківщина княгині Ольги // Конференція «Ольжині читання». Пліснеськ, 10 жовтня 2005 року. Львів, 2006. С. 61–81.
- Мицько, Ігор Зіновійович.* Українсько-чеські зв'язки та історія Підгір'я X–XI століть // П'яті «Ольжині читання». Пліснеськ, 7 травня 2010 року. Львів; Броди, 2011. С. 63–77.
- Мишин, Дмитрий Егеньевич.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. Москва: Институт востоковедения РАН: Издательство «Крафт+», 2002. 368 с.
- Назаренко, Александр Васильевич.* Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991 год. Москва: Наука, 1994. С. 5–138.
- Назаренко, Александр Васильевич.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. Москва: Языки русской культуры, 2001. 784 с.
- Назаренко, Александр Васильевич.* Две Руси IX века // Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. 2002. № 11–12. С. 16–22.
- Никольский, Николай Константинович.* Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Ленинград: Издательство АН СССР, 1930. 106 с.
- Петров, Николай Игоревич.* Поволховье и Ильменское Поозерье в IX–X вв. Учебное пособие. Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета, 1996. 98 с.
- Петров, Николай Игоревич.* «Могилы превысокие»: Языческие курганы племенной аристократии Северо-Западной Руси VIII–XI вв. Budapest: Open Society Institute, 1999. 189 с.
- Петров, Николай Игоревич.* Словени «Русской Правды» и словене «Повести временных лет» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 1 (21). С. 39–51.
- Петрухин, Владимир Яковлевич.* Славяне и Русь в «Иосипоне» и «Повести временных лет». К вопросу об источниках начального русского летописания // Славяне и их соседи. Вып. 5: Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Средние века – новое время / Отв. ред. Заборовский, Лев Валентинович. Москва: Наука, 1994. С. 44–56.
- Петрухин, Владимир Яковлевич.* Русь в IX–X века. От призвания варягов до выбора веры. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Форум: Неолит, 2014. 464 с.
- Рашковский, Борис Евгеньевич.* Книга Иосиппон как источник по истории славян и некоторых других народов Восточной Европы // Славяноведение. 2009. № 2. С. 3–15.
- Раппопорт, Павел Александрович.* К вопросу о Плеснеске // Советская археология. 1965. № 4. С. 92–96.

- Свердлов, Михаил Борисович.* О названии новгородского Славенского конца // Новгородский исторический сборник. 1999. Вып. 7 (17). С. 15–17.
- Скрынников, Руслан Григорьевич.* Исторический факт и летопись // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 50. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1996. С. 310–321.
- Стефанович, Петр Сергеевич.* Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. Москва: Индрик, 2012. 656 с.
- Толочко, Алексей Петрович.* Очерки начальной руси. Киев; Санкт-Петербург: Лаурус, 2015. 336 с.
- Трубачев, Олег Николаевич.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Изд. 2-е, доп. Москва: Наука, 2002. 489 с.
- Филипчук, Михайло Андрійович.* Структура Плісеського археологічного комплексу в слов'янський та давньоруський час // Вісник Інституту археології. 2009. Вип. 4. С. 3–21.
- Хабургаев, Георгий Александрович.* Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского плотогенеза. Москва: Издательство Московского университета, 1979. 231 с.
- Чешко, Сергей Викторович.* Этническая история славян с точки зрения проблем этнологии // Славяноведение. 1993. № 2. С. 15–22.
- Шахматов, Алексей Александрович.* Сказание о предложении книг на словенский язык // Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin, 1908. S. 171–188.
- Щавелев, Алексей Сергеевич.* Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. Москва: Северный паломник, 2007. 272 с.
- Щавелев, Алексей Сергеевич.* Еще раз об идентификации и локализации славянского «племени» Λενζανῆνοι / Λενζεῖνοι / *lędzjane // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: Призвание, творчество, общественное служение историка: Материалы XXVI Международной научной конференции. Москва: Издательство РГГУ, 2014. С. 424–427.
- Щавелев, Алексей Сергеевич.* Славянские «племена» Восточной Европы X – первой половины XI в.: аутентификация, локализация и хронология // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. № 2 (18). С. 99–133.
- Эксле, Отто Герхард.* Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / Пер. с немецкого и предисловие Ю. Арнаутовой. Москва: Новое литературное обозрение, 2007. 360 с.
- Яйленко, Валерий Петрович.* Прибалтийско-финские основы названий Новгородской земли Славно, Ильмень, Меря // *Uralo-Indogermanica*. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-й балто-славянской конференции, 18–22 июня 1990 г. Ч. I. Москва: Институт славяноведения и балканистики Академии наук СССР, 1990. С. 35–40.
- Curta, Florin.* The making of the Slavs: History and archaeology of the Lower Danube region, c. 500–700. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. 463 p.
- Fokt, Krzysztof.* Zagadka plemion znad Bugu, Sanu, Dniestru i Styru // *Przegląd Historyczny*. 2004. Roczn. 45. S. 441–456.
- Fokt, Krzysztof.* Lędzanie — how far from the Empire? // *Byzantium, new peoples, new powers: the Byzantino-Slav contact zone, from the ninth to the fifteenth century* / Ed. Miliana Kaimakamova, Maciej Salamon. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze «Historia Iagellonica», 2007. P. 109–122.
- Fokt, Krzysztof.* Śladami etnicznej stratygrafii, czyli u źródeł zachodniej połowy Słowiańszczyzny // *Wędrówka i etnogeneza w starożytności i w średniowieczu* / Pod redakcją Macieja Salamona i Jerzego Strzelczyka. Wyd. II poszerzone. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze «Historia Iagellonica», 2010. S. 269–289.
- Fried, Johannes.* Święty Wojciech i Polska. Poznań: Instytut historii UAM, 2001. 42 s.
- Homza, Martin.* Stredná Európa I: Na začiatku stredoveku. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2014. 314 s.
- Homza, Martin.* A few words about the identity of the Slavs, yesterday, today and tomorrow // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. № 1 (23). С. 3–41.
- Kalhous, David.* Anatomy of a Duchy. The Political and Ecclesiastical Structures of Early Přemyslid Bohemia. Leiden; Boston: Brill, 2012. 350 p.
- Kollinger, Karol.* Polityka wschodnia Bolesława Chrobrego (992–1025). Wrocław: Wydawnictwo Chronicon, 2014. 524 s.
- Kuczyński, Stefan Maria.* Studia z dziejów Europy Wschodniej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965. 272 s.

- Labuda, Gerard.* *Kraków biskupi przed rokiem 1000.* Przyczynek do dyskusji nad dziejami misji metodiańskiej w Polsce // *Studia Historyczne.* 1984. R. XXVII. Z. 3 (106). S. 371–412.
- Labuda, Gerard.* *Studia nad początkami państwa polskiego.* T. II. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1988. 566 s.
- Lowmiański, Henryk.* *Początki Polski: Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n. e.* T. IV. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970. 538 s.
- Makarski, Władysław.* *Pogranicze polsko-ruskie do połowy wieku XIV.* Studium językowo-etniczne. Lublin: Redakcja Wydawnictw Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1996. 328 s.
- Matla-Kozłowska, Marzena.* *Pierwsi Przemysłidzi i ich państwo (od X do połowy XI wieku).* Expansja terytorialna i jej polityczne uwarunkowania. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2008. 580 s.
- Parczewski, Michał.* *Problem Łędzian a kształtowanie się polsko-ruskiej rubieży etnicznej // U źródeł Europy środkowo-wschodniej: pogranicze polsko-ukraińskie w perspektywie badań archeologicznych / Red. M. Dębiec, M. Wołoszyn.* Rzeszów: Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2007. S. 161–176.
- Sikorski, Dariusz Andrzej.* *Początki Kościoła w Polsce: wybrane problemy.* Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2012. 342 s.
- Steinhübel, Ján.* *Kapitoly z najstarších českých dejín 531–1004.* 2. vydání. Kraków: Spolek Slovákov v Poľsku — Towarzystwo Słowaków w Polsce, 2012. 204 s.
- Tapolcai, László.* *Polanie — plemię, dynastia, państwo? Skąd się wzięły nazwy Poloni i Polonia w źródłach zachodnich w końcu X i na początku XI wieku? // Człowiek w średniowieczu. Między biologią a historią / Red. Alicja Szymczakowa.* Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2009. S. 93–102.
- Třeštík, Dušan.* *«Veliké město Slovanů jménem Praha». Státy a otroci ve střední Evropě v 10. století // Přemyslovský stát kolem roku 1000: na paměť knížete Boleslava II. (+ 7. února 999) / Uspořádali Luboš Polanský, Jiří Sláma, Dušan Třeštík.* Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2000. S. 49–70, 288–304.
- Třeštík, Dušan.* *Mýty kmene Čechů (7.–10. století). Tři studie ke «Starým pověstem Českým».* Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2003. 292 s.
- Urbańczyk, Przemysław.* *Slavic and Christian identities during transition to the Polish statehood // Franks, Northmen, and Slavs: identities and state formation in early medieval Europe / Ed. by Ildar H. Garipzanov, Patrick J. Geary, and Przemysław Urbańczyk.* Turnhout: Brepols Publishers, 2008. P. 205–222.
- Urbańczyk, Przemysław.* *Trudne początki Polski.* Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego Sp. z o. o., 2008. 420 s.
- Żmudzki, Paweł.* *Kulturowy kontekst nazw «Polanie», «Polacy», «Polska» w średniowiecznej historiografii polskiej i ruskiej // Symboliczne i realne podstawy tożsamości społecznej w średniowieczu / Red. Sławomir Gawlas, Paweł Żmudzki.* Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2017. S. 165–219.

Information about the article

The study was conducted within the framework of the research project supported by the Russian Fund for Fundamental Research, project «Political Formations in the Slavic World from the Seventh to the Tenth Centuries A. D.: Evolution of Power Structures and Ethno-Social Processes».

Author: Alimov, Denis Evgenyevich — Ph. D. in History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, aljimov@mail.ru; OrcID orcid.org/0000-0002-4733-4150

Title: The «Prague Empire» and the *Łędzianie*: Reflexions on the Emergence of the Slavic Identity in Eastern Europe

Summary: The article deals with the emergence of the Slavic ethnic identity in the territory of Ancient Rus'. While seeking for a (hypothetical) answer to this question, the author focuses on contacts that existed during the 10th century between Kiev and the empire of the Přemyslids, in which the Slavic identity was inherited from Great Moravia. According to the author, the Slavic identity could penetrate into Kiev (from which it later came to Novgorod) from the Přemyslid realm via the well-known trade route that in the 10th century connected centres of Western and Central Europe with Kiev, Volga Bulgaria, and Khazaria. In doing so, the author attributes the leading role in the contacts of Kiev with Central Europe to the tribe of Lendians (Lendzaninoi / Łędzianie) mentioned in the Byzantine emperor Constantine Porphyrogenitus's treatise «De administrando imperio» (mid-10th century). In the author's opinion, the Lendians were not only closely connected with the realm the Přemyslids, but also controlled Plisněš, an important political and trade center, through which contacts between Slavic-speaking communities of Central Europe and the Middle Dnieper region were made. According to the author, of all the Slavic-speaking communities that had close contacts with the Russes, the Lendians were most capable for embracing the group name Slověnedeu to the supralocal nature of their group

identity and the possible influence of the Moravian (Olomouc) bishopric. While stressing that the emergence in Kiev and Novgorod of new non-tribal group names, including that of Slověne, was conditioned by changes in the social and cultural habitus of the Slavic-speaking population, which concentrated in the corresponding loci, the author expresses the idea that it was the Lendians who were the key link in the spread from west to east of the the Přemyslid realm's («Prague empire»)'s «social knowledge», which contributed to the adoption of the Slavic identity in Eastern Europe.

Keywords: Slavic identity, Slavic ethnicity, Slověne, Lędzianie

References:

Alimov, Denis Evgen'evich. *Etnogenez khorvatov*: Formirovanie khorvatskoy etnopoliticheskoj obschnosti v VII–IX vv. [*Ethnogenesis of the Croats: The formation of the Croatian ethno-political community in the 7th–9th centuries*]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2016. 380 p. (in Russian).

Cheshko, Sergey Viktorovich. Etnicheskaya istoriya slavyan s točki zreniya problem etnologii [Ethnic history of the Slavs in terms of problems of ethnology], in *Slavyanovedeniye*. 1993. No. 2. Pp. 15–22 (in Russian).

Curta, Florin. *The making of the Slavs: History and archaeology of the Lower Danube region, c. 500–700*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. 463 p.

Dyba, Yuriy. *Bat 'kivschina Svyatogo Volodymyra: Volyns'ka zemlya u podiyakh X stolittya* [*Fatherland of St. Volodymyr: the Volhyn land in the events of the 10th century*]. Lviv: Kolir PRO Publ., 2014. 484 p. (in Ukrainian).

Dyba, Yuriy. Formuvannya terytorii «Rus'koy zemli» IX–X st. u konteksti funktsionuvannya transyevropeys'kogo shlyakhu Bulgar–Kyiv–Regensburg [Formation of the territory of the 9th–10th centuries «Rus' land» in the context of the functional trans-European trade route Bulgar–Kiev–Rehensbourg], in *Mynule i suchasne Volyni ta Polissya*. Misto Volodymyr-Volyns'kiy ta Pobuzhzhya u svitoviy ta ukrayns'kiy istorii. Uspens'kiy sobor v istorii mista Volodymyra-Volyns'kogo ta Ukrainy. Naukoviy zbirnyk [*Past and Present of Volhyn and Polissya. The town of Volodymyr-Volynsky and the Bug region in world and Ukrainian history. Assumption Cathedral in the history of Volodymyr-Volyns'ky and Ukraine. A collection of works*]. Lutsk, 2015. Vol. 55. Pp. 42–50 (in Ukrainian).

Dyba, Yuriy. Geografiya pochatkovoy rusi za shidnymi dzherelami [Geography of early Rus' according to oriental sources], in *Knyazha doba: Istoriya i kul'tura*. Lviv, 2016. Vol. 10. Pp. 9–58 (in Ukrainian).

Dovgan', Petro Mykhailovych. Buzhani yak etnichny ta derzhavotvorchyy chynnnyk u davniy istorii Ukrainy [The Buzhani as ethnic and state-formation factor in the early history of Ukraine], in *Visnik Instytutu arheologii*. 2008. Vol. 3. Pp. 46–57 (in Ukrainian).

Fokt, Krzysztof. Zagadka plemion znad Bugu, Sanu, Dniestru i Styru [The mystery of tribes on the Bug, San, Dniester and Styr rivers], in *Przegląd Historyczny*. 2004. Vol. 45. Pp. 441–456 (in Polish).

Fokt, Krzysztof. Lędzianie — how far from the Empire?, in Kaimakamova, Miliana; Salamon, Maciej (eds). *Byzantium, new peoples, new powers: the Byzantino-Slav contact zone, from the ninth to the fifteenth century*. Krakow: Historia Iagellonica Publ., 2007. Pp. 109–122.

Fokt, Krzysztof. Śladami etnicznej stratygrafii, czyli u źródeł zachodniej połowy Słowiańszczyzny [On the traces of *ethnic stratigraphy*: an insight into the origins of the western half of the Slavdom], in Salamon, Maciej; Strzelczyk, Jerzy (eds). *Wędrowka i etnogeneza w starożytności i w średniowieczu* [*Migration and ethnogenesis in the Antiquity and in the Middle Ages*]. 2nd ed., supplemented. Krakow: Historia Iagellonica Publ., 2010. Pp. 269–289 (in Polish).

Fried, Johannes. *Święty Wojciech i Polska* [*St. Voitech and Poland*]. Poznan: Instytut historii UAM Press, 2001. 42 p. (in Polish).

Fylypchuk, Mikhaylo Andriyovich. Struktura Plisnes'kogo arkheologichnogo kompleksu v slov'yans'kiy ta davnyorus'kiy chas [The structure of the Plisnesk archaeological complex in the Slavic and Old Rus' periods], in *Visnyk Instytutu arkheologii*. 2009. Vol. 4. Pp. 3–21 (in Ukrainian).

Gorskiy, Anton Anatol'evich. K voprosu o sostave voyska Olega v pokhode na Tsar'grad [On the question of the composition of the army of Oleg in the campaign against Constantinople], in *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e: Mnimye real'nosti v antichnoy i srednevekovoy istoriografii. XIV Cheniya pamyati V. T. Pashuto* [*Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages: Imaginary realities in ancient and medieval historiography. XIV Readings in memory of V. T. Pashuto*]. Moscow: Institute of World History (RAS) Press, 2002. Pp. 51–53 (in Russian).

Homza, Martin. *Stredná Európa I: Na začiatku stredoveku* [*Central Europe I: At the beginning of the Middle Ages*]. Bratislava: Komensky University Press, 2014. 314 p. (in Slovak).

- Homza, Martin. A few words about the identity of the Slavs, yesterday, today and tomorrow, in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. No. 1 (23). Pp. 3–41.
- Ivanov, Vyacheslav Vsevolodovich; Toporov, Vladimir Nikolaevich. O drevnikh slavyanskikh etnonimakh (osnovnye problemy i perspektivy) [On ancient Slavic ethnonyms (main problems and prospects)], in *Iz istorii russkoy kul'tury. T. I (Drevnyaya Rus')* [From the history of Russian culture. Vol. I (Ancient Rus')]. Moscow: «Languages of Russian culture» Publ., 2000. Pp. 413–440 (in Russian).
- Kalhous, David. *Anatomy of a Duchy. The Political and Ecclesiastical Structures of Early Přemyslid Bohemia*. Leiden; Boston: Brill, 2012. 350 p.
- Kalinina, Tatyana Mikhaylovna. Arabskie uchenye o nashestvii normannov na Sevil'yu v 844 g. [Arab scholars about the invasion of the Normans to Seville in 844], in *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 1999*. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 2001. Pp. 190–210 (in Russian).
- Khaburgaev, Georgiy Aleksandrovich. *Etnonimiya «Povesti vremennykh let» v svyazi s zadachami rekonstruktsii vostochnoslavyanskogo glottogeneza* [The ethnonymy of «The Tale of Bygone Years» in connection with the tasks of reconstruction of East Slavic glottogenesis]. Moscow: Moscow University Press, 1979. 231 p. (in Russian).
- Kibin', Aleksey Sergeevich. Duleby v postavarskom istoriko-politicheskom kontekste (novye napravleniya istoriografii) [The Dulebs in the post-Avar historical-political context (new trends in historiography)], in *Ladoga v kontekste istorii i arheologii severnoy Evrazii. Sbornik statey pamyati D. A. Machinskogo* [Ladoga in the context of the history and archeology of northern Eurasia. Collection of articles in memory of D. A. Machinsky]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2014. Pp. 157–165 (in Russian).
- Kibin', Aleksey Sergeevich. Duleby i obry (avary) Povesti vremennykh let [Dulebs and Obrys (Avars) of the Tale of Bygone Years], in *Peterburg historical journal*. 2017. № 3 (15). Pp. 141–161 (in Russian).
- Kibin', Aleksey Sergeevich. Madzhak, drevniy geroy ranneslavyanskoy istorii [Madzhak, the ancient hero of early Slavic history], in *Drevnyaya Rus' vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. 2017. Vol. 7. Pp. 44–58 (in Russian).
- Kibin', Aleksey Sergeevich. Pritcha «pogibosha aki obri» i prorochestvo psevido-Mefodiya [Proverb «pogibosha aki obri» and the prophecy of Pseudo-Methodius], in *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'ye. XXX Yubileynye chteniya pamyati V. T. Pashuto* [Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. XXX Commemorative Readings in Memory of V. T. Pashuto]. Moscow: Institute of World History Russian Academy of Science Press, 2018. Pp. 144–148 (in Russian).
- Kokovtsov, Pavel Konstantinovich. *Evreysko-khazarskaya perepiska v X veke* [Jewish-Khazar correspondence in the 10th century]. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1932. 134 p. (in Russian).
- Kollinger, Karol. *Polityka wschodnia Boleslawa Chrobrego (992–1025)* [East policy of Boleslav the Brave (992–1025)]. Wroclaw: Chronicon Publ., 2014. 524 p. (in Polish).
- Konetskiy, Vladimir Yakovlevich. Sotsial'naya organizatsiya Priil'men'ya i formirovanie korennoy territorii Novgorodskoy zemli v kontse I tys. n. e. [The social organization of the population of Priilmenye and the formation of the indigenous territory of the Novgorod land at the end of the 1st millenium AD], in *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya*. 1995. Vol. 9. Pp. 31–40 (in Russian).
- Koncha, Sergiy Viktorovich. «Lenzyany» v konteksti Kyivs'koy Rusi [The Lendians in the context of Kyiv Rus'], in *Zbirnik naukovykh prats Naukovo-doslidnogo instytutu ukrainoznavstva*. 2007. Vol. XV. Pp. 256–272 (in Ukrainian).
- Koncha, Sergiy Viktorovich. Lenzaninoy Konstyantina Bagryanorodnogo u konteksti problem lyakhiv-lendzyan [Constantinus Porphyrogenitus's Lenzaninoy in the context of the problem of the Lachi-Lędzianie], in *Visnyk Kyivs'kogo natsional'noho universytetu imeni Tarasa Shevchenka*. 2007. Vol. 11. Pp. 4–7 (in Ukrainian).
- Koncha, Sergiy Viktorovich. «Lenzyany» i «polyany» [Lendians and Polanians], in *Ukrainoznavstvo*. 2008. Vol. 12. Pp. 47–49 (in Ukrainian).
- Kuczyński, Stefan Maria. *Studia z dziejów Europy Wschodniej* [Studies on the history of Eastern Europe]. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe Publ., 1965. 272 p. (in Polish).
- Labuda, Gerard. *Kraków biskupi przed rokiem 1000*. Przyczynek do dyskusji nad dziejami misji metodiańskiej w Polsce [Bishops of Cracow before the year 1000. A contribution to the discussion on Methodius's mission in Poland], in *Studia Historyczne*. 1984. Issue XXVII. Vol. 3 (106). Pp. 371–412 (in Polish).
- Labuda, Gerard. *Studia nad początkami państwa polskiego* [Studies on the origin of the Polish state]. Vol. II. Poznan: Adam Mickiewicz University Publ., 1988. 566 p. (in Polish).

Lyaska, Vitaliy Mikhailovich. Mizh Pragoyu, Kiyvom ta Hnežno. Zeriuanе / zuireani «Geografa Bavars'kogo»: do proplemy etnopotestarnykh struktur Volyni u rannomu Serednyovychchi [Between Prague, Kyiv and Gniezno. The Bavarian Geographer's Zeriuanе / Zuireani: To the problems of Volhynia's ethnopotestarian structures in the early Middle Ages], in *Knyazha Doba: Istoriya i kul'tura*. Lviv, 2014. Vol. 8. Pp. 9–72 (in Ukrainian).

Lyaska, Vitaliy Mikhailovich. Vid pleminnogo soyuzu do knyazivs'kogo udilu: Buzheska volost' u serednyovychchi [From a tribal union to prince land: The Bug region in the Middle Ages], in *Visnyk L'vivskogo universytetu. Seriya istorychna*. 2016. Vol. 52. Pp. 11–52 (in Ukrainian).

Łowmiański, Henryk. *Początki Polski: Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n. e.* [The origins of Poland. From the history of the Slavs in the 1st millennium A. D.]. Vol. IV. Warsaw: Państwowe wydawnictwo naukowe Publ., 1970. 538 p. (in Polish).

Makarski, Władysław. *Pogranicze polsko-ruskie do połowy wieku XIV. Studium językowo-etniczne* [The Polish-Ruthenian borderland before the mid-14th century. A linguistic-ethnological study]. Lublin: Redakcja Wydawnictw Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego Publ., 1996. 328 p. (in Polish).

Matla-Kozłowska, Marzena. *Pierwsi Przemysłidzi i ich państwo (od X do połowy XI wieku). Ekspansja terytorialna i jej polityczne uwarunkowania* [The first Přemyslids and their state (from the 10th to the mid-11th century). The territorial expansion and its political conditions]. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie Publ., 2008. 580 p. (in Polish).

Mayorov, Aleksandr Vyacheslavovich. *Velikaya Horvatiya: Etnogenez i rannaya istoriya slavyan Prikarpat'skogo regiona* [Great Croatia: Ethnogenesis and the early history of the Slavs of the Carpathian region]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2006. 209 p. (in Russian).

Mishin, Dmitriy Evgenyevich. *Sakaliba (Slavyane) v islamskom mire v rannee srednevekov'e* [Sakaliba (Slavs) in the Islamic world in the early Middle Ages]. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS) Press; Kraft+ Publ., 2002. 368 p. (in Russian).

Myts'ko, Igor Zinoviiovych. Plisnes'k — bat'kivshchyna knyagyni Ol'gi [Plisnesk — the fartherland of princess Olga], in *Konferentsiya «Ol'zhynni chytannya»* [Conference «The Readings in memory of princess Olga»]. *Plisnes'k, December 10th, 2005*. Lviv, 2006. Pp. 61–81 (in Ukrainian).

Myts'ko, Igor Zinoviiovych. Ukraino-ches'ki zv'yazki ta istoriya Pidgir'ya X–XI stolit' [Ukrainian-Czech contacts and the history of the Pidgir'ye region in the 10th and 11th centuries], in *P'yati «Ol'zhynni chytannya»* [The 5th Readings in memory of princess Olga]. May 7th, 2010. Lviv; Brody, 2011. Pp. 63–77 (in Ukrainian).

Nazarenko, Aleksandr Vasilyevich. Rus' i Germaniya v IX–X vv. [Rus' and Germany in the 9th–10th centuries], in *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 1991* [The most ancient states of Eastern Europe. 1991]. Moscow: Nauka Publ., 1994. Pp. 5–138 (in Russian).

Nazarenko, Aleksandr Vasilyevich. *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh: Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazey IX–XII vv.* [Ancient Rus' on international routes: Interdisciplinary essays on cultural, trade, and political relations of the 9th–12th centuries]. Moscow: «Languages of Russian culture» Publ., 2001. 784 p. (in Russian).

Nazarenko, Aleksandr Vasilyevich. Dve Rusi IX veka [Two Rus's of the 9th century], in *Rodina*. 2002. No. 11–12. Pp. 16–22 (in Russian).

Nikolskiy, Nikolay Konstantinovich. *Povest' vremennykh let kak istochnik dlya istorii nachal'nogo perioda russkoy pis'mennosti i kul'tury*. K voprosu o drevneyshem russkom letopisanii [The Tale of Bygone Years as a source for the history of the initial period of Russian literature and culture. To the question of the most ancient Russian chronicle writing]. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1930. 106 p. (in Russian).

Oexle, Otto Gerhard. *Deystvitel'nost' i znaniye: ocherki sotsial'noy istorii Srednevekov'ya* [Reality and knowledge: essays on the social history of the Middle Ages]. Trans. from German and preface by Yu. Arnautova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 360 p. (in Russian).

Parczewski, Michał. Problem Lędzian i kształtowanie się polsko-ruskiej rubieży etnicznej [The Problem of the Lendians and the formation of the Polish-Ruthenian ethnic border], in Dębiec M., Wołoszyn M. (eds). *U źródeł Europy środkowo-wschodniej: pogranicze polsko-ukraińskie w perspektywie badań archeologicznych* [At the roots of Central-Eastern Europe: the Polish-Ukrainian borderland in the perspective of archaeological studies]. Rzeszów: Institute of archaeology of Rzeszów University Press, 2007. Pp. 161–176 (in Polish).

Petrov, Nikolay Igorevich. *Povolkhov'e and Il'menskoe Poozer'e v IX–X vv.* [The Volkhov river and Ilmen lake regions in the 9th–10th centuries]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 1996. 98 p. (in Russian).

- Petrov, Nikolay Igorevich. *«Mogily prevysokie»: Yazycheskie kurgany plemennoy aristokratii Severo-Zapadnoy Rusi VIII–XI vv. [«High tombs»: Pagan mounds of the tribal aristocracy of North-West Rus' of the 8th–11th centuries]*. Budapest: Open Society Institute Press, 1999. 189 p. (in Russian).
- Petrov, Nikolay Igorevich. *Slovenin «Russkoy pravdy» i slovene «Povesti vremennykh let» [Slovenin of the «Russkaya Pravda» and Slovene of the «Tale of Bygone Years»]*, in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. No. 1 (21). Pp. 39–51 (in Russian).
- Petrukhin, Vladimir Yakovlevich. *Slavyane i Rus' v «Iosippone» i «Povesti vremennykh let». K voprosu ob istochnikakh nachal'nogo russkogo letopisaniya [Slavs and Rus' in the «Josippon» and «Tale of Bygone Years». To the question of sources of the initial Russian chronicles]*, in Zaborovskiy, Lev Valentinovich (ed.). *Slavyane i ikh sosedi. Vyp. 5: Evreyskoe naselenie v Tsentral'noy, Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Evrope. Srednie veka — Novoe vremya [Slavs and their neighbors. Vol. 5: Jewish population in Central, Eastern and Southeastern Europe. Middle Ages — Modern Time]*. Moscow: Nauka Publ., 1994. Pp. 44–56 (in Russian).
- Petrukhin, Vladimir Yakovlevich. *Rus' v IX–X vekakh: Ot prizvaniya varyagov do vybora very [Rus' in the 9th–10th centuries. From the invitation of the Varangians to the choice of faith]*. 2nd ed., corrected and supplemented. Moscow: Forum Publ.; Neolit Publ., 2014. 464 p. (in Russian).
- Rashkovskiy, Boris Evgen'evich. *Kniga Iosippon kak istochnik po istorii slavyan i nekotorykh drugih narodov Vostochnoy Evropy [The book of Josippon as a source on the history of the Slavs and some other peoples of Eastern Europe]*, in *Slavyanovedenie*. 2009. No. 2. Pp. 3–15 (in Russian).
- Rappoport, Pavel Aleksandrovich. *K voprosu o Plisneske [To the question of Plisnesk]*, in *Soviet Archeology*. 1965. No. 4. Pp. 92–96 (in Russian).
- Sverdlov, Mikhail Borisovich. *O nazvanii novgorodskogo Slavenskogo kontsa [On the name of the Novgorod Slavensky district]*, in *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik*. 1999. Vol. 7 (17). Pp. 15–17 (in Russian).
- Skrynnikov, Ruslan Grigor'evich. *Istoricheskiy fakt i letopis' [A historical fact and a chronicle]*, in *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury [Proceedings of the Department of the Old Russian literature]*. Vol. 50. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1996. Pp. 310–321 (in Russian).
- Stefanovich, Petr Sergeevich. *Boyare, otroki, družhiny: voyenno-politicheskaya elita Rusi v X–XI vekakh [Boyars, otroks, guards: the military-political elite of Rus' in the 10th–11th centuries]*. Moscow: Indrik Publ., 2012. 656 p. (in Russian).
- Shakhmatov, Aleksey Aleksandrovich. *Skazanie o prelozhenii knig na slavyanskiy yazyk [The Tale of the translation of books into the Slavic language]*, in *Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića [Jagić-Festschrift. Miscellany in honour of Vatroslav Jagić]*. Berlin, 1908. Pp. 171–188 (in Russian).
- Shchhavelev, Aleksey Sergeevich. *Slavyanskije legendy o pervykh knyaz'yakh. Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie modeley vlasti u slavyan [Slavic legends on the first princes. A comparative-historical study of Slavic models of power]*. Moscow: Severniy palomnik Publ., 2007. 272 p. (in Russian).
- Shchhavelev, Aleksey Sergeevich. *Yeshche raz ob identifikatsii i lokalizatsii slavyanskogo «plemeni» Δεζανήβοι / Δεζεβίνοι / *lędjane [Once again on the identification and localization of the Slavic «tribe» of Δεζανήβοι / Δεζεβίνοι / *lędjane]*, in *Vspomogatel'nye i spetsial'nye nauki istorii v XX – nachale XXI v.: Prizvanie, tvorchestvo, obschestvennoe sluzhenie istorika [Auxiliary and special sciences of history in the 20th – early 21st centuries: Mission, creative work, service to the society of the historian]*. Materials of the XXVI International Scientific Conference. Moscow: Russian State University of Humanities Press, 2014. Pp. 424–427 (in Russian).
- Shchhavelev, Aleksey Sergeevich. *Slavyanskije «plemena» Vostochnoy Evropy X – pervoy poloviny XI v.: autentifikatsiya, lokalizatsiya i khronologiya [Slavic «tribes» of Eastern Europe in the 10th – the first half of the 11th century: authentication, localization and chronology]*, in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. No. 2 (18). Pp. 99–133 (in Russian).
- Sikorski, Dariusz Andrzej. *Początki Kościoła w Polsce: wybrane problemy [Beginnings of the Church in Poland: selected problems]*. Poznan: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk Publ., 2012. 342 p. (in Polish).
- Steinhübel, Ján. *Kapitoly z najstarších českých dejín 531–1004 [Chapters from the early Czech history. 531–1004]*. 2nd ed. Krakow: Spolok Slovákov v Poľsku — Towarzystwo Słowaków w Polsce Publ., 2012. 204 p. (in Slovak).
- Tapolcai, László. *Polanie — plemię, dynastia, państwo? Skąd się wzięły nazwy Poloni i Polonia w źródłach zachodnich w końcu X i na początku XI wieku? [The Polonians — a tribe, a dynasty, a state? What was the source of the names Poloni and Polonia in western sources in the late 10th and early 11th centuries?]*, in

- Szymczakowa, Alicja (ed.). *Człowiek w średniowieczu. Między biologią a historią* [A Human in the Middle Ages. Between biology and history]. Lodz: Lodz University Press, 2009. Pp. 93–102 (in Polish).
- Tolochko, Aleksey Petrovich. *Ocherki nachal'noy Rusi* [Essays on the initial Rus']. Kyiv; St. Petersburg: Laurus Publ., 2015. 336 p. (in Russian).
- Trubachev, Oleg Nikolaevich. *Etnogenez i kul'tura drevneyskhikh slavyan: Lingvisticheskie issledovaniya* [Ethnogenesis and culture of the ancient Slavs. Linguistic research]. 2nd ed., updated. Moscow: Nauka Publ., 2002. 489 p. (in Russian).
- Trěštík, Dušan. «Veliké město Slovanů jménem Praha». Státy a otroci ve střední Evropě v 10. století [«The great city of the Slavs by the name Prague». States and slaves in Central Europe in the 10th century], in Polanský, Luboš; Sláma, Jiří; Trěštík, Dušan (eds). *Přemyslovský stát kolem roku 1000: na paměť knížete Boleslava II.* [The Přemyslid state around the year 1000: in memory of prince Boleslav II]. Praha: Lidové noviny Publ., 2000. Pp. 49–70, 288–304 (in Czech).
- Trěštík, Dušan. *Mýty kmene Čechů (7.–10. století). Tři studie ke «Starým pověstem Českým»* [Myths of the Czech tribe. Three studies on the old Czech tales]. Praha: Lidové noviny Publ., 2003. 292 p. (in Czech).
- Urbańczyk, Przemysław. Slavic and Christian identities during transition to the Polish statehood, in Garipzanov, Ildar H.; Geary, Patrick J., Urbańczyk, Przemysław (eds). *Franks, Northmen, and Slavs: identities and state formation in early medieval Europe*. Turnhout: Brepols Publishers, 2008. Pp. 205–222.
- Urbańczyk, Przemysław. *Trudne początki Polski* [Difficult origins of Poland]. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego Publ., 2008. 420 p. (in Polish).
- Voytovych, Leontiy Viktorovich. Karpats'ki khorvaty v etnopolitychnomu rozvitku Tsentral'no-Shidnoy Evropy rannogo serednyovichcha [Carpathian Croats in the ethnopolitical development of Central-Eastern Europe of the early Middle Ages], in *Ukraina v Tsentralno-Shidnoy Evropi (z naydavnishykh chasiv do kintsya XVIII st.)* [Ukraine in the Central-European Europe (from the oldest times to the late 18th century)]. Kyiv, 2004. Vol. 4. Pp. 105–132 (in Ukrainian).
- Voytovych, Leontiy Viktorovich. Vikingi v Tsentral'no-Vostochnoy Evropie: zagadki Ladogi i Plisneska (II) [Vikings in Central and Eastern Europe: the mysteries of Ladoga and Plisnesk (II)], in *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya*. 2012. Vol. 1. Pp. 3–11 (in Russian).
- Voytovych, Leontiy Viktorovich. Povertayuchis' do khorvativ Kostyantina Bagryanorodnogo [Turning back to Constantine Porphyrogenitus's Croats], in *Narteks. Byzantina Ukrainensis. T. 2. 'Ρωμαϊος: sbornik statey k 60-letiyu prof. S. B. Sorochana* [Narteks. Byzantina Ukrainensis. Vol. 2. 'Ρωμαϊος: a collection of articles on the 60th anniversary of prof. S. B. Sorochan]. Kharkov: Maidan Publ., 2013. Pp. 71–101 (in Ukrainian).
- Westberg, Friedrich. *Komentariy na zapisku Ibragima ibn-Yakuba o slavyanakh* [A comment on the note of Ibrahim ibn-Yakub about the Slavs]. St. Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1903. 152 p. (in Russian).
- Yaylenko, Valeriy Petrovich. Pribaltiysko-finskie osnovy nazvaniy Novgorodskoy zemli Slavno, Il'men', Merya [Baltic-Finnish roots of the names of the Novgorod land Slavno, Ilmen, Merya], in *Uralo-Indogermanica. Balto-slavyanskije yazyki i problema uralo-indoevropskikh svyazey* [Uralo-Indogermanica. Baltic-Slavic languages and the problem of the Uralic-Indoeuropean connections]. Materials of the 3rd Baltic-Slavic conference, June 18–22, 1990. Part I. Moscow: Institute of Slavic and Balkan studies of the Academy of Sciences of the USSR Press, 1990. Pp. 35–40 (in Russian).
- Zhikh, Maksim Ivanovich. K probleme genezisa sotsial'noy topografii drevnego Novgoroda [To the problem of the genesis of the social topography of ancient Novgorod], in *Novgorodika-2008. Vechevaya Respublika v istorii Rossii. Chast' I* [Novgorodika-2008. The Veche republic in the history of Russia. Part I]. Velikiy Novgorod, 2009. Pp. 30–47 (in Russian).
- Zhikh, Maksim Ivanovich. Drevnie slavyane na Volyni (I tys. n. e.). Chast' vtoraya [Ancient Slavs in Volhynia (1st millennium AD). Part Two], in *Istoricheskiy format*. 2016. No. 2. Pp. 59–91 (in Russian).
- Zvzdetskiy, Bogdan Andronikovich. Pro kordony Drevlyanskoj zemli [On the borders of the Drevlyanian land], in *Arkheologiya*. 1989. No. 4. Pp. 47–58 (in Ukrainian).
- Żmudzki, Paweł. Kulturowy kontekst nazw «Polanie», «Polacy», «Polska» w średniowiecznej historiografii polskiej i ruskiej [Cultural context of the names «Polonians», «Poles», and «Poland» in Polish and Ruthenian medieval historiography], in Gawlas, Sławomir; Żmudzki, Paweł (eds). *Symboliczne i realne podstawy tożsamości społecznej w średniowieczu* [Symbolic and real foundations of collective identity in the Middle Ages]. Warsaw: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego Publ., 2017. Pp. 165–219 (in Polish).